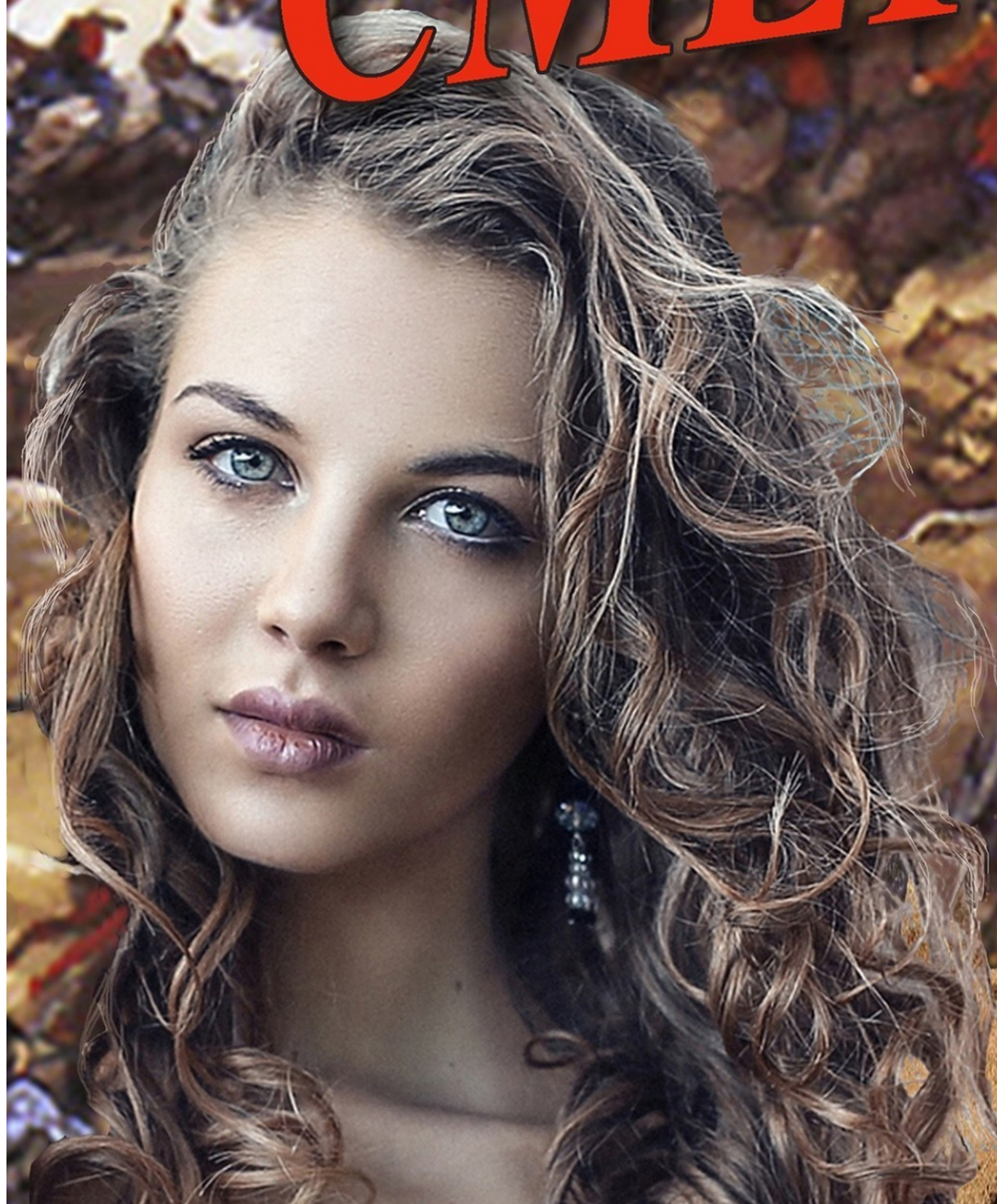

Анатолий ЛАБУНСКИЙ

СМЕРЧ

Анатолий Лабунский

Смерч

«СУПЕР Издательство»

2018

Лабунский А.

Смерч / А. Лабунский — «СУПЕР Издательство», 2018

ISBN 978-5-907137-40-0

«Нет ничего позорнее, чем подгонять историю под красивые псевдопатриотические схемы. Этим сегодня с удовольствием тешатся ангажированные «историки» в угоду своим политическим предпочтениям. Они лгут, не краснея, создавая все новые «ремейки» об исторической принадлежности территорий различных государств, о национально-освободительных войнах, о знаменитых исторических персонажах до неузнаваемости искажая не только ценность их деяний, но и саму их биографию. Чаще всего попытки переписать историю совершаются на шумных митингах и основываются на бредовых выступлениях, проплаченных «лидеров-глашатаев», сознательно игнорирующих закон, требующий вести поиск фактологического материала в отношении тех или иных исторических событий не на площади, а исключительно в архивах...»

ISBN 978-5-907137-40-0

© Лабунский А., 2018

© СУПЕР Издательство, 2018

Содержание

Глава 1. Батько Хмель	9
Глава 2. Свадьба Радзивилла	22
Глава 3. Заложница	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анатолий Лабунский Смерч

Анатолий Лабунский

Член Союза писателей России, член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

Автор книг: «Эстафета без финиша» – (семейная сага), «Смерть Клеопатры» – (морские рассказы), «Звездопад» – (сборник рассказов), «Побег длиною в жизнь» – (роман), «Перегон» – (роман-диалогия). Сборника стихов и пародий, Пьес «Дикий остров» и «Жив Петрушка».

Публиковался в антологиях «Современное русское зарубежье» (Москва) и «Кишинев в литературе» (Кишинев), литературно-художественных журналах «Москва», «Московский вестник» и «Братина» (Москва), «Веси» (Екатеринбург), «Русское поле» и «Наше поколение», альманахах «Персона» (Кишинев), «Проклятый город Кишинев» (Санкт – Петербург) и международном литературном портале «Подлинник».

* * *

*Если Бог действительно существует,
ему следовало бы удалиться.
Мы его не заслужили.*

Анатолий Бырса

Нет ничего позорнее, чем подгонять историю под красивые псевдопатриотические схемы. Этим сегодня с удовольствием тешатся ангажированные «историки» в угоду своим политическим предпочтениям. Они лгут, не краснея, создавая все новые «ремейки» об исторической принадлежности территорий различных государств, о национально-освободительных войнах, о знаменитых исторических персонажах до неузнаваемости искажая не только ценность их деяний, но и саму их биографию. Чаще всего попытки переписать историю совершаются на шумных митингах и основываются на бредовых выступлениях, проплаченных «лидеров-глашатаев», сознательно игнорирующих закон, требующий вести поиск фактологического материала в отношении тех или иных исторических событий не на площади, а исключительно в архивах.

Как часто исторические факты загоняются в рамки политической целесообразности!

Например, кровавый период Хмельнитчины (1647–1657), пафосно называемый «национально-освободительным движением украинского народа», на деле носит все признаки яркого национализма, выразившегося в геноциде поляков и евреев. Ведь если отталкиваться от слова «ПРАВДА», то в 1647 году ещё не существовало никакого украинского народа, а Хмельницкий и его казаки называли себя «русинами» и «православными», хотя, если честно, то и на это им было наплевать.

К сожалению, зачастую даже архивные материалы спорят друг с другом. Иногда разные источники, освещая одно и то же событие, называют героев разными именами, приводят совер-

шенно различные данные по поводу их возраста или места действия. Однако знакомство с летописями Самовидца и казацкого летописца Самуила Величко, трудами польского писателя и эссеиста Самуила Твардовского, дневниками польского историка Шимона Окольского, еврейского историка Натана Ганновера и многих других позволяют сформировать собственное мнение о причинах и последствиях кружившего над обширной территорией Восточной Европы КРОВАВОГО СМЕРЧА, количество жертв которого сравнимо разве что с эпидемией чумы 1653 года.

Как часто «великие» решения приносят трагический результат. Чем авторитетнее орган, принявший подобное решение, тем шире поле поражения, тем больше народа страдает от него.

В конце XV века Ватикан, приняв «святейшее решение» о гонении на иудеев, убедил правителей Испании, Франции и Великобритании изгнать их из своих стран. Не стоит удивляться такому решению, ибо всю свою историю иудеи вынуждены шествовать по дороге насилия, грабежей, погромов и изгнаний. Некоторые страны Европы, когда заканчивались деньги, зывали ранее изгнанных обратно. Не удивительно, что в XIV веке в бюджете Франции существовала строка «доходы от евреев».

Прозорливее всех оказались Голландия и Речь Посполитая¹, которые пригласили изгнанников переселиться на их земли.

Голландцы стали крупнейшей морской империей благодаря евреям, способным, как оказалось, не только к успешной торговле, но и к пиратскому промыслу, что продемонстрировали, захватывая испанские корабли, увозящие награбленное у индейцев Америки золото, щедро пополняя тем самым голландскую королевскую казну.

Польская шляхта и литовские магнаты приспособили евреев к ведению хозяйства на огромной территории своего государства, отдав им в аренду не только поместья и усадьбы, но и целые поселения. Новоприбывшие предоставили финансирование крупных проектов Речи Посполитой, таких как создание новых предприятий, развитие сельского хозяйства и обороны. В результате на протяжении многих десятилетий Речь Посполитая была важнейшим источником самых необходимых продуктов питания для Западной Европы. О продовольственном изобилии на рынках Европы взахлёб писали Мишель де Монтень и Франсуа Рабле...

В начале XVI века магнаты Речи Посполитой Иеремия Вишневецкий, Ян Потоцкий, и князь Станислав Конецпольский поселились в Малороссии и сделали евреев своими доверенными лицами, позволив управлять имуществом, собирать налоги и следить за порядком.

Порядок восторжествовал.

Но слаб человек в грехе своем...

Классик украинской литературы Григорий Сковорода однажды написал:

...Кожному рот дере ложка суха,
Хто э на світі щоб був без гріха?..

Трудно представить сборщика налогов, который бы тайком не попробовал зависить норму налогообложения или честно отдал все собранные средства своему хозяину. В большинстве своём арендаторы так себя и вели. В результате поляки богатели, евреи тоже были не внакладе. Довольны были все, кроме налогоплательщиков, чьё недовольство росло, иногда перехлёстывая через край. Масла в огонь подлило подписание Брестской унии, по которой православная церковь переходила под юрисдикцию Римско-католической церкви. Начались бунты, которые быстро и кроваво подавлялись. Эти вспышки народного гнева напоминали мощные, но короткие порывы ветра перед грозой. А гроза назрела. За тяжёлыми тучами, обложившими политический небосвод, угадывался смертоносный смерч, который был способен

¹ Речь Посполитая – федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского (1569–1795)

сокрушить всё на своём непредсказуемом пути. На напрягшемся, наэлектризованном небосклоне всё было готово к взрыву, не хватало только небольшой искры, способной запустить необратимый процесс.

Искра появилась самым неожиданным образом.

Глава 1. Батько Хмель

Неподалёку от города Чигирин, на хуторе Суботов, жил не тужил казачий сотник Зиновий Михайлович Хмель. Был счастлив в браке с любимой женой, куча детей скучать не давала. Былая военная карьера обеспечила ему безбедное существование, а должность чигиринского сотника придавала состоятельному помещику статус авторитетного чиновника.

Собственно говоря, это сейчас он жил не тужил, потому как ранее Зиновию пришлось многое испытать и многое пережить. Обучение в Иезуитском коллегииуме сначала в городе Ярославле, затем во Львове сделало из молодого шляхтича² прекрасно образованного человека. Его знания могли быть востребованы где угодно, однако Зиновий, будучи парнем с характером, решил делать военную карьеру и по стопам отца отправился За Пороги, туда, где земная кора, вздыбившаяся миллионы лет назад, широким щитом преградила путь стремящемуся к югу Днепру, чей могучий поток, преодолев девять гранитных Порогов, вырвался на свободу и превратился в широкую свободную реку. Вот здесь, в ЗаПорожье, из вольных казаков были созданы коронные (подчиняющиеся польской короне) реестровые полки, ставшие кордоном, охраняющим территорию Речи Посполитой от набегов крымских татар, шалящих в Дикой степи. На речных островах Запорожской Сечи помимо коронных войск быстро появились и вольные казачьи шайки.

Казачья вольница вдохновила молодого Зиновия, и его военная карьера пошла в гору. Боевой характер сделал Хмеля любимцем гетмана Петра Сагайдачного, в результате чего он стал неизменным его спутником в боевых походах. За спасение короля Владислава IV, которому грозил русский плен при осаде поляками Смоленска, молодой Хмель получил от него в награду золотую саблю. В это время Зиновию показалось, что имя простолюдина его не украшает, поэтому величать его стали Богданом (данный Богом), да и фамилия зазвучала на польский манер – Хмельницкий. Острый ум и достойное образование помогли Богдану занять со временем пост генерального писаря Войска Запорожского.

Но не всё гладко в жизни военного человека. Во время польско-турецкой войны в Молдавии, в битве под Цецорой погиб отец Богдана, чигиринский осадчий Михайло Хмель, а сам он попал в турецкий плен. Турецкая неволя не прошла для казака понапрасну. За два года ему удалось не только выучить турецкий и татарский языки, но и завязать некоторые связи. Вернулся Богдан на родину благодаря выкупившей его матери.

Боевые заслуги принесли Богдану уряд сотника чигиринского, а богатые военные трофеи сделали его зажиточным владельцем хутора Суботов под Чигирином.

Хуторская жизнь Богдану нравилась. Тучные стада, обильно-урожайные посевы, пасеки делали его жизнь размеренной и спокойной, обещая безбедную старость. Лицезреть семерых своих детей, четверых мальчиков и трёх девочек, было значительно приятнее, чем командовать полками не всегда трезвых казаков.

Единственным, что омрачало сытую жизнь помещика, была болезнь жены Анны. Да, именно омрачало. Анна была Богдану верной женой, хорошей и заботливой матерью его детям, а также энергичной помощницей в хозяйственных делах, однако двадцать лет супружества, военные походы, турецкий плен сделали своё дело. Страсть, любовь, острота ощущений припустились настолько, что сосуществование супругов превратилось в скучное сожительство.

Когда здоровье Анны заметно ухудшилось, в доме Хмельницкого появилась Гелена Чаплинская. Осиротевшая, хорошо воспитанная польская панночка знатного происхождения взяла на себя уход за домом и многочисленными детьми.

² Отец Зиновия Михаил – представитель древнего рода польско-литовского герба «Сырокомля», мать Агафья – казачка благородного происхождения.

Для знакомства в покои, где лежала больная супруга, Елену Богдан привел сам.

– Знакомься, Ганнуся, это пани Елена. Она будет заниматься нашими детьми, да и хозяйством вообще. Образование и происхождение ей позволяют. Словом, пока ты болеешь, она будет выполнять твои обязанности.

Увидев красивую, молодую женщину, Анна поняла, что в её доме появилась соперница. Хорошо зная характер мужа и то, что болезнь ей уже не победить, протестовать она не осмелилась, но неужели женщина, перед которой вдруг возникает подобная проблема, сможет молча проглотить обиду?

– Мои обязанности? Все?

Уловив грустную иронию в словах супруги, Богдан хмуро стрельнул взглядом:

– Посмотрим на её способности.

А способности у шляхетной пани, которую на хуторе стали почему-то звать Степной Еленой, оказались незаурядными. Властный характер, помноженный на шляхетский гонор, позволили быстро прибрать к рукам немалое хозяйство и подчинить себе весь хутор. Чем больше расцветал Суботов, тем хуже становилось Анне.

Однажды слабеющая Анна попросила позвать Елену.

– Помирать я буду, Гелена, – может, для того, чтобы напомнить о существующем между нами различии, Богданова жена продолжала звать Елену польским именем. – Отсобороваться бы мне...

– Что-то рано вы засобирались, – Елена с сочувствием посмотрела на больную. – Еще поживём...

– Не дури меня, – тяжело дыша, Анна попыталась улыбнуться. – Вон... пришла уже... Стоит за портьерой... только коса торчит.

Елена в испуге повернулась к окну и осенила себя крестом:

– Свят, свят... Не пугайте вы меня.

– Да чего уж тебе бояться... У тебя всё будет хорошо. А мне... мне позови священника.

...Последняя исповедь много времени не заняла. А в чём надо было исповедоваться Анне Сомко, жене мало кому известного сотника? В том, что была верной женой, что больше жизни любила своих детей, в том, что всю жизнь свою занималась хозяйством да ждала из походов и плена своего мужа? Или в том, что за всю свою жизнь грехов скопить не смогла даже на то, чтобы исповедаться?

Священник смазал елеем бледно-жёлтый лоб, тонкие, морщинистые ладони Анны и пробубнил: «Через это святое помазание по благостному милосердию Своему да поможет тебе Господь благодатью Святого Духа и, избавив тебя от грехов, да спасёт тебя и милостиво облегчит твои страдания». Затем, совершив обряд причастия, он удалился.

Вечером, после каких-то своих дел, на хутор вернулся Богдан. Узнав о визите священника, он зашел к Анне.

– Что же ты, Ганнуся, детей пугаешь? Рано, рано ты попа в дом кличешь.

– Нет, Зиновий, не в попах дело, – мужа Анна называла так, как его звали двадцать лет назад, когда они венчались. – Поп всегда успеет молитву прочитать. Важно, чтобы я не опоздала.

– Никогда я не слыхивал, чтобы кто-то опоздал к Богу.

– Зря ты шутикуешь. Не в том наше опоздание. Просто покаянные слова надо говорить вовремя. А то ведь их могут и не услышать... А я вот соборовалась, и на душе покой, – Анна с грустью смотрела на мужа. – А ты по какой нужде пришел?

– Проведать, поговорить, – Богдан погладил восковую руку супруги.

– Ну, с божьей помощью, поговорили... Иди... Мне одной надо... Иди.

Богдан посидел в раздумье минуту, встал и пошел к двери.

– Зиновий, – тихий голос супруги остановил его. – Уж ты своей домработнице не изменяй...

Что хотела сказать умирающая женщина, которая всю жизнь любила этого человека, была ему верной женой? Хотела пожелать своему пожилому супругу счастья с молодой, красивой полячкой? Вряд ли... А может, хотела предупредить, что шляхетная пани не принесёт себя в жертву ради благополучия семьи, как это сделала она? А может...

В тихой задумчивости, минуто постояв у двери, Богдан вышел.

Через какое-то время Анна услышала, как где-то в большом доме зазвучала лютня.

* * *

Процветающее хозяйство Хмельницкого вызывало зависть у многих. Немало магнатов и шляхтичей были не прочь завладеть этим лакомым куском. Одним из них был однофамилец Елены, Даниэль Чаплинский – чигиринский подстароста, прибывший в Малороссию из Литвы.

Как это бывает у людей малодушных и трусливых, основным чувством, подавляющим все остальные, у Даниэля была зависть. Весьма тщеславный и гордый шляхтич не мог взять в толк, как это Хмельницкий, человек не знатного происхождения, сумел в жизни подняться так высоко – стать, по сути, крупным помещиком, дослужиться до престижного полковничьего чина, получить известность у польского короля. Чёрная зависть съедала желчного шляхтича, толкая на безрассудные поступки.

Однажды в отсутствие Богдана Даниэль Чаплинский заехал в имение Хмельницкого, очень возможно, что для того, чтобы рассмотреть лакомый кусок поближе. Когда Даниэль подъехал к парадному, из окна второго этажа Елена видела, как легко он спрыгнул с седла и, бросив повод своему стремени, сказал ему что-то по-польски. «Шляхтич», – подумала Елена... Это уже вызывало определённый интерес.

К этому времени Елена уже сумела занять своё место в сердце Богдана, но законная супруга Хмельницкого, к сожалению, была ещё жива, и чигиринскому сотнику приходилось терпеливо ждать, утешаясь надеждой на более или менее быструю развязку. А вот Елене перспектива бесконечного ожидания была мало интересна, поэтому, услышав от горничной, что прибыл чигиринский подстароста и больная Анна его принять не сможет, она решила, что встретить высокого гостя надо во всеоружии, и принялась поправлять причёску.

Пока «гофмейстер»³ спустилась к Чаплинскому, подстароста прошёлся по просторной зале. Золочёные рамы больших картин, напольные подсвечники в виде голопузых арапчат, изразцовый камин и пушистый ковёр под широким, кривоногим столом привели завистливого шляхтича в исступление. Какой-то казак, какой-то холоп безродный живёт в такой роскоши?! Это был удар по его шляхетской гордыне.

– Pana Bogdana nie ma w domu. Czym mogę służyć? (Пана Богдана нет дома. Чем могу служить?)

То, что Даниэль Чаплинский увидел, поверотясь, повергло его в ступор. Перед ним стояла молодая, удивительной красоты женщина, чьё одеяние и украшения говорили о её безупречном вкусе. В её глазах можно было утонуть, а обворожительная улыбка производила гипнотизирующее действие.

– Przepraszam, czym mogę służyć? (Простите, чем могу служить?) – Елена прекрасно видела, какой эффект она произвела на посетителя своим появлением.

Очнувшийся чигиринский подстароста растерянно засуетился.

– Przepraszam, Ja przyjdę później (Извините, я приду позже), – неловко поклонившись, Даниэль направился к двери.

³ Гофмейстер – придворный чин, ведающий персоналом.

– Może coś przekazać właścicielowi? (Может, что-то передать хозяину?) – ироничная улыбка не сходила с уст прекрасного «гофмейстера».

– Nie... Nie.. Nie warto się martwić. (Нет... Нет... Не стоит беспокоиться.)

Гремя шпорами, Чаплинский выскочил не просторное крыльцо.

Молодая, но опытная сердцеедка стояла у окна и, глядя, как взволнованный чиновник, словно неумелый новобранец, не может попасть ногой в стремя, улыбалась своим мыслям.

Возбуждённый всем увиденным, Даниэль Чаплинский во весь опор скакал восвояси и строил самые фантастические планы, которые диктовала ему его неуёмная чёрная зависть. Одиноким вдовцом, выдавший замуж свою дочь, не имеющий никаких препятствий к новому браку и продолжению рода по мужской линии, после посещения имения Хмельницкого кардинально сменил ориентиры. Конечно же, Богдана, этого зажавшегося сотника, этого возмнившего себя неизвестно кем холопа он должен раздавить, но главным его трофеем станет эта удивительная молодая пани.

После встречи с Еленой Даниэль только о ней и думал, она являлась ему по ночам, он чувствовал, что его состояние близко к помешательству. Тот факт, что Елена носила такую же, как и у него, фамилию, Чаплинский считал если не божьим провидением, то как минимум знаком свыше.

И вот вулкан страстей взорвался.

Улучив момент, когда Богдан уехал по делам, трусливый шляхтич, спрятавшись у себя в поместье, отправил отряд своих головорезов на разорение Суботова.

Захватив хутор, опьянённые безнаказанностью бандиты разнесли усадьбу, подожгли мельницы, разорив конюшни, выгнали на поля всех коней, овец, быков, которые тут же вытоптали посевы. Разграбив имущество и хлебные запасы, уничтожив всё, что можно было уничтожить, разбойники уехали, увезя с собой Елену.

Хмельницкий был потрясён...

Властный чин, подстароста, представитель польского дворянского сословия, щеголяющий своей шляхетской честью, повёл себя как бандит с большой дороги! Возмущение казачьего сотника было настолько велико, что во гневе Богдан отправился к Чаплинскому с требованием вернуть ему хутор и Елену. Напрасно сотник пытался взывать к шляхетскому благородству. Пьяный подстароста, праздновавший успешную акцию, слушать взбешённого Богдана не стал.

– Ты зря сюда пришёл. Думаешь, чин сотника тебе даёт право приходить к шляхтичу и выдвигать свои холопские требования? Сегодня ты сотник, завтра нет... – Даниэль налил себе полный фужер вина. – Завтра... завтра ты будешь убирать навоз. Твоё место на конюшне...

Покачиваясь, с бокалом в руке, Чаплинский, подбоченясь, стоял у балюстрады высокого крыльца своего дома, возвышаясь над униженным Богданом.

Прошедший сквозь огонь многих сражений, не раз смотревший смерти в глаза, Богдан понимал, стоя в окружении разбойников подстаросты, что сейчас он бессилён.

– Придёт время, и ты пожалеешь обо всём, что ты сделал, обо всём, что ты сказал...

– Ты мне угрожаешь? Червь! В подвал его!

Даниэль размахнулся и швырнул в лицо казаку бокал с вином.

Лицо и грудь Богдана окрасились в кровавый цвет...

Трудно сказать, уговорила ли Елена Даниэля смилостивиться над поверженным сотником, или причиной освобождения стала смерть Анны, умершей после заключения супруга, но через четыре дня Богдан был освобождён. Казак не сомневался, что кончину его жены ускорило разграбление хутора.

Возмущению сотника не было границ. Как и положено оскорблённому казаку, Богдан вызвал горделивого подстаросту на поединок. Зря он надеялся, что у трусливого подонка суще-

ствовало понятие о чести. Прибыв к назначенному для поединка месту, жаждущий сатисфакции сотник нарвался на засаду и с трудом отбил от разбойников Чаплинского.

В штурмах многих крепостей принимал участие чигиринский сотник, но он и представить себе не мог, что крепость под названием «безразличное равнодушие», усиленная шляхетским презрением, окажется для него неприступной. Богдан обратился с просьбой к коронному гетману Конецпольскому, с которым пребывал в турецком плену, но ответа не получил. Подал иск в суд – ему отказали. Прекращать поиски правды Богдан не собирался и отправился в Варшаву. Как же был удивлен Хмельницкий, когда, придя в сенат, он увидел там своего врага – чигиринского подстаросту Чаплинского.

Оба предстали перед сенаторами как перед судьями.

– Вельмишановный сенат. Панове... я – сотник реестрового Чигиринского казачьего полка Войска Запорожского, многие годы воевал под знамёнами Речи Посполитой. Вот эту саблю я получил из рук короля Владислава IV. До сего дня я мирно проживал в своей усадьбе на хуторе Суботов. – Богдан старался говорить громко и спокойно. Свою речь он, вероятно, не раз повторял по пути в Варшаву. – Но невесть откуда появился разрушитель спокойной жизни моей, Даниэль Чаплинский, литовский пьяница и зайда⁴, злодей и грабитель...

Богдану было трудно говорить, обида перехватывала горло, но, укротив эмоции, казак подробно изложил свои претензии. В списке обид Елена занимала особое место. Назвав её своей женой, Богдан потребовал обязать Чаплинского восстановить разорённую усадьбу и вернуть уведённую девушку.

Слушая обиженного сотника, сенаторы о чём-то перешептывались, а чигиринский подстароста то иронично ухмылялся, то, почёсываясь, зевал, всем своим видом показывая, как ему скучно. К слушаньям в сенате Даниэль был подготовлен, ибо в подковёрных чиновничьих баталиях был так же силён, как Богдан в военных.

– Достопочтенный сенат, панове. Мне трудно понять, чем руководствовался сотник Хмельницкий, когда решил опорочить моё имя в высоком сенате. Я даже не собираюсь оправдываться перед этим безродным казаком, который почему-то называет хутор Суботов своей собственностью. Никаких бумаг, подтверждающих, что Хмельницкий владеет каким-то майном⁵ в природе не существует. Если на том хуторе стоит его хатка, это не значит, что он ему принадлежит.

– Хатка?! – Богдан задохнулся.

– Ну, ладно, большая хатка... Стоит ли об этом говорить? Документов всё равно нет. А в отношении потерявшей родителей девушки... Да, да, панове, девушка – круглая сирота. Сотник Хмельницкий держал её у себя силой. Поверьте, что ей там было не сладко, потому она так поспешно и с большой охотой ушла от него. Может, Хмельницкого успокоит тот факт, что, поскольку девушка пришлась мне по сердцу, я женился на ней. Да, пан сотник, уже месяц как мы обвенчались, и сейчас никто не принудит меня отказаться от неё. В то же время смею заверить высокий сенат, что Елена сама ни за что не согласится вернуться к Хмельницкому.

Сенаторам ситуация показалась почему-то комичной. Улыбаясь и посмеиваясь, знатные поляки стали потешаться над незадачливым казаком.

– Стоит ли, пан сотник, жалеть о такой сговорчивой особе? Да что, на ней свет клином сошёлся? Поищи другую, такой завидный жених, да с такой прославленной саблей любой паненке пригодится. А эта пусть останется с тем, кто ей так понравился.

Богдан был растоптан... Куда бы он ни обращался за справедливостью, всюду получал отказ.

⁴ Зайда (укр.) – пришелец.

⁵ Майно (укр.) – имущество.

Последней инстанцией, выше которой был только Бог, оставался король Владислав IV, обязанный Богдану жизнью, однако и он не смог оценить всей горечи пережитой обиды.

– Дайте кто-нибудь ему саблю, а то шляхтичем себя называет, а сам из-за такой мелочи меня от дел государственных отвлекает... – Король не мог предвидеть, к чему приведёт брошенная им фраза.

По возвращении из Варшавы Богдан узнал, что слуги Даниэля поймали на рынке его десятилетнего сына Остапа и зверски избили. Помочь сыну сотник уже не смог, и мальчик через некоторое время скончался. Это было неприкрытое преследование. Обложили...

Однажды назначившая ему тайную встречу Елена сообщила, что Чаплинский уже наметил лжесвидетеля, который должен обвинить Хмельницкого в подготовке казачьего бунта против поляков, и порекомендовала ему поскорее покинуть Суботов. Другого выхода не было.

* * *

Единственным местом, которое миновал разбойничий налёт Чаплинского, была большая пасека в дубраве под Чигирином. Богдан мог прожить здесь несколько дней, не опасаясь быть схваченным. Разграбленный хутор сотник покинул сразу после встречи с Еленой.

Через неделю в дубраве стало непривычнолюдно.

– Нет, хлопцы! Трусливо бежать в одиночку, как нашкодивший кот, я не могу. Не показавши это. Уходя из Суботова – я ухажу на войну...

У костра, на сёдлах, снятых со своих лошадей, сидели примчавшиеся на зов Хмельницкого его ближайшие соратники.

По праву руку от Богдана сидел Максим Кривонос – казачий полковник, которого Хмельницкий за высокие воинские качества считал верным и храбрым боевым товарищем, одним из своих ближайших сподвижников.

Слева от сотника, положив на колени саблю в ножнах, сидел казацкий рыцарь, кальницкий полковник Иван Богун – отважный воин, мастер боёв в полевых условиях.

Супротив Богдана, попыхивая трубкой, расположились полтавский полковник Мартын Пушкарь, прошедший не одно сражение плечом к плечу со своим суботовским другом, и лихой воин, неутомимый рубака хорунжий Матвей Борохович.

– На войну с ляхами! – повторил Богдан и стукнул кулаком по перевёрнутому старому пчелиному улью, на котором сидел. – Не надо думать, что это обида ограбленного и униженного человека. Всё, что со мной произошло, убедило меня в том, что я не хозяин на своей земле, вы не хозяева, и никто... Никто! И холоп, и помещик, и казак – все мы для них черви... А то и хуже – навоз...

Что бы ни говорил об ограбленных и униженных чигиринский сотник, но было видно, что сейчас, в эту минуту, значительно сильнее жгла его сердце личная обида.

– И что это будет за война? – Кривонос поправил под собою седло. – И где она у тебя будет? И какими силами?

Богдан внимательно посмотрел на Максима, словно на секунду усомнился в преданности соратника.

– Война не моя. Она наша общая, – Хмельницкий обвел глазами потупивших очи сподвижников. – Я не мёдом угощать вас позвал на пасеку. Надо поднимать казаков. Пойдем на Низ. За Пороги.

– Богдан, сегодня Сечь уже не та. Запорожская Сечь умерла десять лет назад.

– Да, Иван, я не вчера родился и знаю, что на Малой Хортице и на Никитском Рогу стоят реестровые казаки. Но настоящий казак казак до смерти останется. Никто из казака не сделает ляха. Я сам служил с Сагайдачным в коронной войске у короля Владислава... И

что, перестал быть казаком? Если я учился в иезуитском колледже, я что, стал католиком? Нет, хлопцы, православный крестик с моей груди можно снять только вместе с головой!

– Богдан, то, что ты щирый⁶ казак, нам хорошо ведомо, – Богун вынул из ножен саблю, в задумчивости поправил ею угли в костре и, тяжело вздохнув, вложил её обратно. – Только вот я не очень понимаю, ты что, хочешь нас повести на реестровое войско? Значит, казаки будут рубать казаков? Ведь и на Хортице, и на Никитском Рогу серьёзные укрепления. Про крепость Кодак я вообще не говорю. А где нам столько силы взять?

– Та ни, батьку, – Мартын Пушкарь не хотел показать своего несогласия с Хмельницким, но уж больно авантюрной показалась ему Богданова идея, и он заёрзал на своём месте так, что заскрипела кожа его седла. – Воювати козаками проти козаків – це все одно, що вовком землю орати⁷.

– Скоро ты не только волками, зайцами пахать будешь. Разорят ляхи твой маеток, потом Максимов спалят, за ней Богуна... А ты будешь пахать... Пахарь! Значит, так, у каждого из нас найдётся пять-шесть десятков добрых казаков. По дороге на Низ ещё поднимем народ. Но главные наши силы – это реестровые казаки. Думаете, им в коронном войске сладко? Ты спроси, когда им в последний раз выплачивали обещанную зарплату. И не в ней дело! Ляхи уже сами понимают, что довели нас до края. Раньше сколько было реестровых казаков? Сорок тысяч. А сейчас? Двенадцать... Раньше я был главным писарем Войска Запорожского, а сейчас? Сотник... И выше сотника сейчас ни один казак уже не поднимется. А почему? Да потому, что боятся нас ляхи. Боятся! Не зря ведь после того как гетман Сулима разрушил Кодак, ляхи крепость снова восстановили – затем, чтобы «за пороги живой души не пускать»! Боятся они нас! Боятся, что снова на Запорожье вольная Сечь будет. А реестровые... ну что ж, не один день я рука об руку с казаками воевал. И с вольными, и с реестровыми. И я вам, хлопцы, так скажу: ни секунды не сомневаюсь, что как только мы появимся на Порогах, вся Сечь будет наша.

– Мне тоже сдаётся, что реестровые против нас не пойдут, – Максим Кривонос с хрустом расправил плечи, влево, вправо повертел головой, от чего в его бычьей шее тоже что-то хрустнуло. – Чую я, что бунтовать будем не шутейно. Только есть одна закавыка, батько... Испокон веку казак воевал в пешем строю, а у ляхов большая часть войска – кавалерия. И лёгкая, и тяжёлая... Пешкодралом мы много не навоюем. Так что надо думать.

Богдан, низко склонив голову, слушал своего соратника. Видно было, что казачий полковник вслух произнёс мысль, которая давно угнетала его. Наконец, стряхнув с себя состояние задумчивости, Богдан выпрямил спину.

– Думаю, Максим, думаю... Только скажите мне, братья, неужели зря каждый из нас большую часть своей жизни воевал? То-то и оно... Будет у нас и кавалерия, будут и гарматы⁸. Будут! Стоит только начать.

– Ну что, батько, – Мартын выколотил о высокий каблук своего сапога давно потухшую трубку и встал. – Думаю, пришла пора возвратить казацкие права всем, кто был их лишён. Обещаем?

– Обещаем...

* * *

Четыреста вёрст до Запорожья стали для Богдана дорогой дум, злобы и горечи. Несправедливость, откровенное презрение, унижение, которого он не испытывал даже в турецком плену, выжигало всё внутри. Сердце отказывалось мириться с происходящим, воспалённое

⁶ Щирый (укр.) – искренний.

⁷ Воевать казаками против казаков – все равно что волками землю пахать.

⁸ Гарматы (укр.) – пушки.

сознание рисовало мрачные картины беспощадной мести. Фантастические планы возмездия, сменяя друг друга, требовали сиюминутного воплощения.

По пути к Сечи отряд беглого чигиринского сотника лихими наскоками уничтожил десятки фольварков⁹, сжигая усадьбы, разгоняя скот, разоряя посевы. Каждый из них напоминал Богдану его спалюженный¹⁰ хутор.

– Батько, – шестнадцатилетний сын Тимошка после каждого налёта хмелел от восторга. – Поглянь! Да ведь у нас уже целое войско!

Сын вырослел на глазах. Невысокий, кряжистый, в плотно облегающей грудь кольчужке, он как влитой сидел в седле. Парень радовал пожилого казака, оставаясь единственным лучом света в его душе.

Мрачный Богдан оглянул свое «войско».

Да... Их было уже много, однако в большинстве своём это была злая, но ничтожная в военном смысле толпа.

Крестьянский бунт. В. Верещагин.

После каждого разорённого фольварка к отряду, оседлав лошадей из разграбленных хозяйских конюшен и напивив на себя лучшие хозяйские камзолы, присоединялись десятки обездоленных холопов, которым уже нечего было терять.

На Запорожье Богдан Хмельницкий пришел с пёстрым, но боевитым, настроенным на бескомпромиссную борьбу войском. Он заслуженно чувствовал себя полководцем. Военная наука, которую он когда-то постигал под крылом атамана Петра Сагайдачного и польского коронного гетмана Конецпольского, оказалась Хмельницкому как нельзя кстати. Кровавый след, тянущийся за ним от самого Чигирина, бывшего сотника не смущал. Наоборот, вид крови, визг убегающей жертвы, зарево горящих усадеб позади наполняли его ощущением силы, порождали в душе чувство превосходства и неоспоримой правоты.

⁹ Фольварк (польск.) – помещичье хозяйство.

¹⁰ Спалюженный (укр.) – осквернённый.

...Оранжевый шар, медленно опускаясь всё ниже, повис над рекой. Апельсиново-персиковая дорожка прибежала по зеркальной глади Днепра прямо к ногам сидящего на прибрежном валуне Богдана, словно приглашая его пройтись по ней за уходящим на ночной покой усталым солнцем. Небо за угасающим светилом горело тёмно-розовым заревом, словно там, далеко за горизонтом, полыхал пожар, подсвечивая снизу уходящую куда-то далеко в сторону гряду облаков. Ближе к горизонту днепровская вода светилась изнутри тем же розовым огнём.

Все замерло, на воде ни морщинки, только комариный звон нарушал пронзительную тишину, окутавшую остров, да сухой камыш шелестел листом, чувствуя, как там, под водой, сонный окунь почёсывал о его стебель свою полосатую спину.

– Гарно...

Богдан слышал, как подошёл его сын.

– Гарно, сынку, – ответил он, не поворачиваясь. – Садись, посиди с батьком.

Помолчали...

Мрачные думы угнетали Хмельницкого. Сожжённые фольварки поляков, маетки¹¹ прислуживающих им арендаторов-евреев не оставляли надежд на возвращение к спокойной жизни помещика. Обратного пути нет. Бунт... Господи, сколько этих бунтов уже было до него? Все утоплены в крови. Нет, такое будущее не для Богдана! Это будет восстание, всенародное восстание. Да, сил у него сейчас недостаточно, но это только начало. К нему идут люди, и будут идти...

Богдан оглянулся на десятки костров, горящих на склоне. Казаки готовились к первой сечевой ночи. Пользуясь последними лучами заходящего солнца, кто-то сворачивал работы по благоустройству своего куреня, кто-то варил кулеш, кто-то сушил промокшую одежду.

– Батько, а где Хортица?

По рассказам отца Тимош знал, что у гетмана Сагайдачного, с которым тот воевал, на Малой Хортице были фортификационные укрепления и даже верфь для строительства казацких «чаек» (морских вёсельных кораблей)...

– До Хортицы ещё вёрст пятьдесят. Но она нам не нужна. Не та уже Хортица. А этот остров называется Томаковка. Запомни, сынку... Наш кош будет здесь.

Томаковскую Сечь для себя Богдан выбрал не зря. В его голове уже вызрел план в ближайшее время навести свой порядок на Запорожской Сечи, ибо польские власти не дадут покоя даже в Запорожье.

– И долго мы здесь будем сидеть? – воинственный потомок рвался в поход.

– Не беспокойся, не засидишься, – Богдан горько усмехнулся. – Не отсиживаться пришёл я сюда. Томаковку надо укреплять, людей обучать. Половина из них сабли в руках не держала, так что остынь. А твоя сабля не заржавеет. Придёт время, даже спать в седле будешь, – вздохнул отец.

– Оце добрэ! За мамку и Остапчика я из ляхов и жидов выщежу всю кровь, – молодой «мститель» одним взмахом сабли скопил целый сноп камыша.

– Не зарекайся, сынку, бо кровь людская не водица, – Богдан с грустью посмотрел на возбуждённого сына. – Остапчик... Прими, Господи, души невинно убиенных рабов твоих.

...Солнце уже давно утонуло в Днепре, в зеркальной глади которого плавали большие золотые звёзды. У какого-то костра зазвенели тихие переборы струн. Низкий хрипловатый голос, вторя ворчливым звукам бандуры, запел:

Не хотіли пани-ляхи
Попустити й трохи,
Щоб їздили в Січ бурлаки

¹¹ Маеток (укр.) – имение.

Тай через Пороги, —
Спорудили над Кодаком
Город-кріпосницю
Щей прислали в Кодак військо,
Чужу-чужаницю.
Зажурились запорожці,
Що нема їм волі
Ні на Дніпрі,
Ні на Росі,
Ні в чистому полі...

Неведомый бандурист, хриплоголосый малоросский менестрель своей бесхитростной музыкальной думой взбудоражил в душе задумчивого Хмеля забытое воспоминание о крепости Кодак.

...Неприступную крепость, построенную на месте слияния вод Мокрой Суры и Днепра после того, как восставший гетман Иван Сулима её разрушил, по приказу короля Владислава восстановили, и коронный гетман Станислав Конецпольский приехал её осмотреть. Чтобы воочию продемонстрировать силу Речи Посполитой, по пути он пригласил некоторых шляхтичей и войсковых начальников, среди которых оказался и главный писарь Войска Запорожского Богдан Хмельницкий. Довольный результатами восстановительных работ, коронный гетман принялся насмеяться над казаками, мол, более нет повода для восстаний, так как крепость Кодак несокрушима, на что Богдан вскользь заметил: «Рукою созданное рукою и разрушается...»

Всесильный управитель Малороссии никак не отреагировал на дерзость Хмельницкого, вместе с которым когда-то побывал в турецком плену. А вот присутствовавший среди гостей Даниэль Чаплинский, которому эта подробность была не известна, решил выслужаться.

Следующей же ночью он схватил Богдана и отправил в Чигирин под стражей. Только плохо он знал многоопытного казака! Хмельницкий в пути ухитрился освободиться и бежать, после чего отправился в Варшаву и подал королю жалобу на своевольное и оскорбительное задержание офицера королевского войска. Помня услугу Хмельницкого, спасшего его от русского плена, король Владислав IV, в качестве дисциплинарного наказания, приговорил обрезать Чаплинскому один ус. Стражник Скобкевский, присланный в Чигирин для исполнения приговора, волю короля исполнил.

Отрезанный ус... Один...

Мог ли подумать Его Королевское Величество, что это ничтожное событие станет той искрой, которая воспламенит пожар кровавого восстания, названного впоследствии Хмельнитчиной.

Это было начало. Смерч, который вскоре вовлечёт в бешеный водоворот событий десятки исторических лиц, беспощадный вихрь, жертвами которого станут десятки тысяч людей, представляющих разные народы, только набирал силу...

Сотник оглянулся, но в темноте, среди десятка казаков, сидящих под огромной пушистой ивой, опустившей до земли пряди своих ветвей, рассмотреть хриплоголосого музыканта не смог. «Смотри ж ты! Пророк... – подумал он. – Почувствовал, что нам, возможно, и Кодак придется брать».

Богдан вздохнул. Жаль, что его любимая люгня осталась в разгромленном Суботове. Он бы сейчас спел...

* * *

Хмельнитчина...

Не думал Богдан, что когда-нибудь ему придётся возглавить многолетний кровавый бунт. Ну, воевал... Занимался своим большим хозяйством. Мирно правил хутором Суботовом с мельницами, нивами и четырьмя ставками, кишащими карасями, и время от времени отправлялся в поход по приказу польского правительства – то на турок, то на Москву. А возвращаясь, снова превращался в скромного рядового помещика.

Не отбери поляки у хозяйственного Богдана его хутор с карасями и бабу, ни за что не вздумал бы он вступить за права соотечественников! А тут...

Даже поднимая восстание, Хмельницкий стремился придать ему видимость некоей законности! Он постоянно напоминал, что взбунтовал казаков с согласия самого короля Владислава IV, который подсказал ему, что у него есть сабля. Может, это покажется странным, но восстание Хмельницкого можно действительно считать законным. В Речи Посполитой существовало право шляхты на официальное восстание против короля во имя защиты своих прав и свобод, и называлось оно «рокош».

И вот сейчас, рычащий на всех, но внутри разрываемый сомнениями, взбунтовавшийся помещик Хмельницкий пытался оправдаться перед своей совестью за сожжённые фольварки поляков и маетки жидов правом на свой собственный рокош. В начале бунта Богдан рассчитывал не порывать с Польшей (ну если не со всей Польшей, то хотя бы с Сеймом и королём), его казаки даже воевали под пожалованным королём знаменем традиционных польских цветов – белый орёл на красном полотнище.

Казаки. Юзеф Брандт

...Конец осени и зима 1647 года прошли в хозяйственных нуждах и заботах о благоустройстве своего войска, но отсиживаться на Томаковке в планы бунтовщика не входило. С каждым днём пребывания на Запорожской Сечи в Хмельницком креп дух предводителя восстания. Личная обида, горечь унижения постепенно уходили на второй план, уступая место пониманию того, что вся Малороссия, сотни тысяч людей унижены так же, как и он, и их души

так же раздирает ненависть и жажда мести. Грандиозные планы, теснясь в мозгу, иногда пугали Богдана своей амбициозностью, но возвращаться было поздно.

Слухи об огненном рейде батьки Хмеля от Чигирина до Запорожья распространились широко, и на Томаковку начал стекаться обездоленный люд. Спасаясь от притеснений, крестьяне и ремесленники, бегущие из разных местностей Малороссии и Юга России, могли найти себе убежище и на других островах Сечи, но большинство из них стремилось на Томаковку, так как слава батьки внушала им веру в его силу и надежду на пусть опасную, но свободную жизнь.

Крестьянско-казацкое войско крепло день ото дня. Собрав казачий круг¹², Богдан довёл свое решение до ближайших соратников.

– Пришло время освободить Запорожье от влияния шляхты. Нельзя спокойно взирать на то, что в сердце казачьей вольницы, в Запорожской Сечи продолжают править ненавистные ляхи. Да, это поляки установили реестровые казачьи войска на южной границе Малороссии, для того чтобы противостоять татарским набегам, но больше всего несчастий нам приносят сами поляки, а не татары. Они построили крепость Кодак, чтобы «за пороги живого человека не пускать». Какого человека? Да нас с вами! Но в таком случае и реестровые казаки, и кодацкие сами помогают полякам угнетать свой же народ! Нет! Не по пути казаку с ляхом!

– Так что, штурмовать реестровые гарнизоны? – Кривоносу эта идея была явно не по душе. – Своих казаков рубать? Не дело это.

– Нет, Максим. Рубать никто никого не будет. Нужны переговоры. Я думаю, казаки поймут. Иначе они не казаки.

– Поймут, Богдан, поймут, – флегматичный Мартын Пушкарь пыхнул трубкой и утонул в облаке дыма. – Казак на казака саблю не поднимет.

– Вот и у меня на это расчёт, но если честно, то я больше надеюсь на зиму. Если казаки нас поддержат и начнут переходить к нам, то оказать поддержку своим гарнизонам ляхи быстро не смогут. Рождество Христово и Крещение каждый шляхтич захочет отпраздновать. А собирать войско и переться на Пороги никому не захочется до самой весны.

– Гарна думка, дуже гарна, – немногословный Богун кивнул.

...24 декабря 1647 года перед воротами укреплений реестрового гарнизона на Никитском Рогу остановился длинный чумацкий обоз с казачьей охраной. Реестровым гарнизонам, охраняющим границу малороссийской части Речи Посполитой и Дикого поля, чумацкие обозы были не в диковинку. Это были свои же крестьяне Юга России и Малороссии, занимающиеся торгово-перевозным промыслом. Чумаки были главным образом казаками, торгующими солью, которую привозили из Крыма. Помимо соли они торговали вяленой рыбой, лесом, кустарными изделиями из дерева, камня и металла. Для перевозки чумаки использовали запряжённые волами мажи¹³. Для охраны обоза от нападения татар чумаки нанимали казаков и, во главе с выборным атаманом, ездили вооружёнными обозами в сто и более мажей.

Прибытие «волового поезда» в Никитский Рог было обычным делом, ибо переправиться через Днепр можно было только здесь, благодаря стараниям Никиты Цыгана, пару сот лет назад сумевшего увековечить свое имя, оборудовав в этой части реки сносную переправу.

Кроме привычных товаров чумацкие возы были заполнены еловыми и сосновыми ветками. Поэтому не удивительно, что вокруг чумацких возов сразу стала толпиться шляхетная публика. Первыми у болтливых чумаков раскупили еловые ветки, из которых стали срочно изготавливаться адвент-венки. Шляхетные офицеры, соскучившиеся по своим семьям, принялись выставлять их в окнах и развешивать на дверях своих жилищ. Строгого поста в католицизме нет, но существует Адвент – четыре недели душевного очищения. Заканчивалась его последняя, золотая неделя.

¹² Казачий круг – казачий совет.

¹³ Мажа – воз с ярмом для упряжки крупного рогатого скота.

И вот, наконец, 25 декабря, в само Рождество, когда в костёлах проходят три праздничные литургии, на Никитском Рогу прошли праздничные мессы. Ночная, утренняя (на заре) и дневная...

Нет, не напрасно чумацкие мажи простояли на площади Никитской Сечи. Не напрасно атаман военной охраны чумацкого обоза приглашал подходящих к торговым рядам реестровых казаков:

– Приходьте, хлопці, як ляхи підуть на літургію. Мы тэж помолимось, – Богдан, а это был именно он, принимался истово креститься. – Приходьте, хлопчики, і усіх козаків ведіть з собою.

Когда началась третья, дневная католическая литургия, на рынке вокруг чумацких мажей собралось чуть не все реестровое войско Никитской Сечи. Трогательная речь батьки Хмеля не оставила равнодушных. Брошенные бывшим сотником слова упали на благодатную почву, породив в душах казаков чувство необходимости восстановления поруганной чести и обретения утраченной свободы. Старшины реестрового войска, во главе с черкасским реестровым полковником Станиславом Юрским, ещё во время выступления Богдана Хмельницкого почував неладное, благоразумно сбежали. А вот для шляхетного командования третья литургия закончилась плачевно.

...Реестровый казачий гарнизон на Никитском Рогу пал первым. Это была значительная победа Богдана Хмельницкого. Победа моральная. Запорожское казачество воспрянуло духом. Следом за Никитской Сечью в ряды крестьянско-казачьего войска батьки Хмеля перешли Базавлуцкая, Хортицкая, Томаковская Сечи. В январе-феврале 1648 года обширный район вокруг Запорожской Сечи был очищен от шляхетных войск.

Глава 2. Свадьба Радзивилла

Всего двумя годами раньше столица Молдавского княжества город Яссы праздновал свадьбу старшей дочери господаря Молдавии Василия Лупу – Марии. За всю свою историю город не видел такого количества высокопоставленных гостей: посланники господаря Валахии Матея Басараба, князя Трансильвании Дьёрдя Ракоци, патриарха Константинопольского, великого князя Бранденбургского, послы из Курляндии, польские шляхтичи, литовские князья и молдавские бояре пёстрой праздничной толпой топтались на паперти храма Святой Троицы в ожидании начала процедуры венчания сиятельнейших особ.

Золочёные экипажи, сменяя друг друга, подкатывали к храму. Белые лошади, грациозно выгнув шеи, потряхивали бунчуками пушистых перьев, прикрепленных золочёными пряжками к сбруе на их лбу, и нервно били копытами в ожидании того, когда подбежавший слуга в расшитой галунами ливрее откроет дверцу кареты и застынет в поклоне, а очередной напомаженный шляхтич подаст унизанную перстнями руку своей благоухающей духами даме, которая, кокетливо стрельнув глазами, небрежно сомкнёт свой веер и, приподняв краешек необъятного кринолина, подчёркнуто медленно встанет на только что откинутую подножку своей крохотной туфелькой на французском каблуке, делающем походку осторожной и изящной.

Да что там французский каблук!

Перед храмом Святой Троицы в это утро слегка подмороженным снежком похрустывали десятки женских ножек в пантофлях на каблуке муль, туфлях с ажурной перфорацией, туфлях с нависшим кончиком носа, туфлях с рантом, туфлях закрытых, с брошью или бантом. Не отставали от своих дам и мужчины, щеголяя ботфортами, туфлями на каблуке с языками, пряжками, бантами. На общем фоне выделялись владельцы сверхмодной обуви с красными каблуками, которые имели право носить только дворяне.

Сегодня любая, даже самая капризная модница могла побаловать свою неуёмную фантазию, увидев вблизи огромное количество новых моделей женского платья, представленных гостями свадьбы перед храмом Святой Троицы. Здесь были и распашные платья «роб», под которыми топорщились кружевными каркасными или отложными воротниками платья «котт», и платья с узким лифом и широкими, баллонообразными рукавами из полос либо декорированные узорчатой тесьмой, а также юбки каркасные на китовом усе, и съёмные юбки «модест» со шлейфом. И что характерно: чем длиннее был шлейф, тем родовитей была его обладательница.

Поверх шикарных платьев именитых дам были наброшены широкие длинные манто с капюшоном или пелериной. Каждая гостя норовила продемонстрировать свою неповторимую причёску. Здесь было всё: причёски «Мария Медичи» с чёлкой «гарсетт», и причёски «мадам Севинье», и «фонтаж», и даже «юрлю-берлю».

Это было похоже на неофициальное всеевропейское соревнование роскоши и нарядов, но внимательному наблюдателю могло показаться, что придворные Василия Водэ превзошли всех красотой и дороговизной одежды, подбитой драгоценными мехами.

К тому времени, когда экипаж Василия Лупу подкатил к Троицкой церкви, у её паперти маялись в ожидании званые гости и весь двор господаря Молдавии. От дорогих одежд и золотых украшений рябило в глазах. Ступени, ведущие к входу в храм, устланные яркими турецкими коврами, были усыпаны лепестками роз. По бокам, не решаясь наступить на ковёр, топтались именитые яские бояре. На площадке перед самым входом во храм в окружении глав двух известнейших родов – Иеремии Вишневецкого, сына аристократки из молдавского рода Могил, княгини Райны Могиланки и польского магната, и дипломатического деятеля Королевства Польского и Великого княжества Литовского Циприана Бжостовского – стояли великий гетман литовский Януш Радзивилл и киевский митрополит Пётр Могила.

Свой экипаж господарь Василий Лупу покинул первым. Ступив на землю, он окинул взглядом великое множество высоких гостей, собравшихся на церемонию венчания, и остался доволен, однако то, что киевский митрополит и Януш Радзивилл стояли перед входом во храм на несколько ступеней выше, слегка его огорчило. Со стороны это могло выглядеть так, словно он, господарь Молдавии, ведя свою старшую дочь под венец, откуда-то из низов взбирается на вершину, к ногам своего будущего зятя. Чтобы как-то сгладить это неприятное ощущение, Василий неторопливо стряхнул невидимую пылинку с рукава своего камзола, поправил отороченную мехом шапку с золотой брошью над правым виском, медленно повернулся к карете и, придерживая открытую дверку, помог выйти сначала своей супруге Екатерине, а потом и дочерям. Княжна Мария была одета в белое платье, розовая вуаль, укрывавшая её с головы до ног, была прикреплена к волосам невесты двумя золотыми шпильками.

Екатерина быстрыми, несуетливыми движениями одёрнула несколько складок на юбке подвенечного платья Марии, поправила фату и, смиренно сложив руки, встала позади невесты, рядом с её младшей сестрой Розандой. Василий взял под руку свою потупившую очи дочь, гордо расправил плечи и, твёрдо ступая по ступеням, повёл её к храму. На площадке перед входом в храм господарь остановился. Размашисто перекрестясь, он поцеловал руку митрополиту, обнял будущего зятя и подвёл к нему Марию. Януш низко поклонился невесте и, взяв её под руку, предстал с нею перед высоким священнослужителем.

* * *

Киевский митрополит Пётр Могила специально прибыл из Киева, чтобы обвенчать дочь господаря Василия Лупу. Его приезд в Яссы был не случаен. Знакомству двух высоких людей было уже много лет. Ещё в 1642 году во время проведения – на средства Лупу – Всеправославного собора, Пётр Могила некоторое время гостил у господаря Молдавии; тогда и началась их многолетняя дружба. Вероятно, духовное начало господаря Молдавии, человека решительного и жёсткого, в значительной степени формировалось под влиянием киевского митрополита, в результате чего Василий Лупу стал жертвовать крупные суммы денег патриархиям Константинополя и Иерусалима, построил и отреставрировал десятки церквей и монастырей Молдавии.

Зная о том, что Василий глубоко верующий, воцерковлённый человек, Могила приехал для венчания его дочери на несколько дней ранее намеченного срока.

Обед проходил в уютной гостиной Василия Лупу.

– Ну, как? Ещё не смирился? – митрополиту было известно, что господаря Молдавии раздражают противоречивые чувства.

– С чем это я должен смириться? – Василий сделал вид, что не понял митрополита.

– Ладно, не надо лукавить. С будущим зятем твоим, Янушем.

– Ну, владыко, ты и скажешь! Хороший зять... Я бы даже сказал завидный. При чинах... Великий подкоморий Великого княжества Литовского! Ты вслушайся: из пяти слов два слова – **ВЕЛИКИЙ!** К тому же породистый, из древнейшего шляхетного рода. Радзивилл! Да таких как он во всей Речи Посполитой на пальцах одной руки перечесть можно. А ты – смириться... Как бы мне молиться на него не пришлось.

– Молиться не молиться, а вот считаться придётся. Но я не об этом, – Пётр понимал, что князю не хочется возвращаться к неприятной теме. – Я имею в виду лютеранство Януша.

Василий, молча подняв большой керамический кувшин, подлил красного густого вина в бокал митрополита. Да, его угнетала мысль о религиозном несоответствии брачующихся. До его слуха уже дошли распространяющиеся в городе сплетни.

– Ты ведь знаешь, что лютеране отказались от католических догматов. Тем более Януш – убеждённый кальвинист. Это сближает твоего будущего зятя-протестанта с православием, так что большого греха в их браке нет... Изысканно, изысканно и ещё раз изысканно!

Последнее замечание касалось петуха в вине, великолепного блюда французской кухни, которым господарь Молдавии угощал своего киевского гостя.

– Ваше Высокопреосвященство, раз ты проведёшь обряд венчания, значит, всё хорошо. Я спокоен...

– Конечно. Радзивилл согласился совершить венчание по православному обряду, следовательно, он не хочет испортить тебе настроение. Для него, человека властного, самолюбивого, преданного своей вере, это очень серьёзный шаг, говорящий о том, что ради любви к твоей дочери он способен на поступок. А то, что такой влиятельный в Речи Посполитой магнат, представитель древнего рода станет твоим зятем, – это не только престижно, но и выгодно.

– Дай-то Бог. Ты ведь знаешь, владыко, однажды я уже пережил бурю недовольства своих бояр. В то время моя репутация была на грани.

– Что ты имеешь в виду? – митрополит с удивлением взглянул на князя. Покончив с петухом, он запил его глотком вина и потянулся за румяным блинчиком, обжаренным в апельсиновом соусе.

– Женитьбу мою... Вторую...

– Ах, да. Помню, помню, – чтобы не закапать апельсиновым соусом свою митрополичью бороду, Пётр прикрыл её салфеткой и с наслаждением вгрызся в ароматный, многократно сложенный блинчик с кокетливым названием «Сюзетт».

Воспоминания о своей второй женитьбе у Лупу были действительно невесёлые. В психологическом плане это был едва ли не самый трудный период его княжения.

...После смерти своей первой жены Тудоски Василий почти не носил траура, который должен был длиться в течение года, а практически сразу после её кончины направил в Черкесию свое посольство во главе с приближённым великим постельничим Енаки Катаржи¹⁴.

С разрешения крымского хана Бехадира Гирая Енаки изъездил весь Крым, пока не нашёл необыкновенной красоты девушку с русским именем Екатерина. Наслаждаясь девичьей красотой и теща себя мыслью о том, как довольный результатом посольства господарь вознаградит его, молдавский посол без сожаления расстался с полутора тысячами дукатов, уплатив их родителям девушки, и с лёгкой душой прибыл с красавицей в Бахчисарай. Не остался внакладе и крымский хан, чей кошелек также потяжелел на тысячу дукатов. За эти деньги Бедихар Гирай снарядил 150 татар, посчитав, что вместе с 60 молдаванами этой охраны хватит для сопровождения молдавского посольства на родину.

На это надеялся и Енаки. Однако...

В крепости Очаков, где посольство остановилось на отдых, в два часа ночи к Катаржи пришел кихай¹⁵ от паши Силистры Насух Хусейна и потребовал отдать для его хозяина черкесскую принцессу.

– Эта девушка мне доверена лично ханом, – возмутился Катаржи. – Я несу за неё ответственность. Передай паше, что его просьба оскорбительна. Я посол молдавского господаря и унижений не потерплю.

Енаки понимал, что сопровождающие его посольство татары со своими драться за него не будут, но по-другому ответить паше он не мог. Оставалось надеяться на то, что Хусейн-паша вспомнит о том, что Катаржи – не обычный путник, а посол, в конце концов.

Кихай, вероятней всего, был человеком мудрым. Решив, что в одиночку принести отказ молдавского посла себе дороже, он попросил послать с ним к паше нескольких видных представителей посольства. Прислушавшись к его совету, Енаки отправил к паше двух молдаван и трёх татар. Узнав, что девушка предназначена в жёны молдавскому господарю, паша был крайне

¹⁴ Енаки Катаржи – великий постельничий, один из советников господаря, ведающий приёмами, возглавлял брачные посольства при сватовстве самого Василия Лупу и его дочерей.

¹⁵ Кихай – придворный служащий.

возмущен тем, что «какому-то гяуру» могла быть отдана девушка-мусульманка. Попытки убедить без памяти влюбившегося в черкешенку турка в том, что девушка – христианка, были бессмысленны.

Паша настаивал на своём и пытался добиться признания девушки в мусульманской вере. Не помогло даже то, что Екатерина, рыдая, всё отрицала и ела на глазах паши капающую топленым салом свинину. Посольство Катаржи было задержано до тех пор, пока паша лично не прояснит обстановку, то есть на неопределённый срок. Енаки времени зря не терял. Насколько мог, срочно сообщил о случившемся Василию Лупу, который тут же попросил помощи у крымского хана и турецкого султана. В то же время больше доверяя деньгам, чем дипломатии, он отправил Насух Хусейну три тысячи дукатов.

Мог ли господарь Молдавии знать, что в душе обезумевшего от страсти паши любовь к девушке и любовь к деньгам настолько уравнились, что он, прикарманив деньги, всё равно решит черкешенку не отпускать. Но в жизни иногда даже очень серьёзные проблемы решаются на удивление просто. Прибыл гонец от султана с фирманом¹⁶, в котором было сказано, что Екатерина является подданной султана и обещана молдавскому господарю, а паша, если не подчинится указу, будет наказан смертной казнью. Поняв, что плетью обуха не перешибёшь и что заполучить черкешенку в жёны он не сможет, паша Силистры Насух Хусейн попросил еще 200 дукатов и отпустил молдавское посольство. Просидев по вине паши в Очакове около месяца, Енаки Катаржи с черкешенкой Екатериной отправились в путь к Днестру.

Долгое время княжеский двор, молдавские бояре, друзья и недруги Василия Лупу шептались по поводу второго брака своего господаря. Всем не давали покоя вопросы, на которые они не могли найти ответов. Какие политические интересы преследовал Василий при заключении этого союза? С чем связана необъяснимая поспешность заключения этого брака? Неужели черкешенка для вступления в брак приняла христианство и сменила имя? А если это так, то почему для заключения этого брака потребовалось разрешение самого султана? Не находя ответов на вопросы, самые подозрительные блюстители нравственности высказывали смелые идеи, в путанице которых всплывала робкая версия о том, что кандидатура невесты готовилась ещё при жизни первой супруги господаря Молдавии.

Прошли годы, прежде чем, увидев в Екатерине не только красивую, изысканную женщину, но и глубоко преданную, мудрую и покорную супругу господаря княжества, молдавская знать и все приближённые ко двору, забыв волновавшие их вопросы, успокоились.

* * *

Василий был благодарен владыке Петру. Этот предусмотрительный человек приехал заблаговременно, чтобы по-дружески успокоить его, чтобы вероисповедание будущего зятя не породило конфликта в душе христианина, а светлый день бракосочетания дочери стал поистине праздником для любящего отца.

А зять был действительно хорош!

Это был высокий, стройный, светловолосый литвин¹⁷. Его горделивая осанка выдавала в нём человека решительного, смелого, самостоятельного. Во взгляде читалась непреклонность и даже упрямство, но когда его взгляд обращался к Марии, глаза его неожиданно теплели, а тонкие губы под тенью аккуратно подстриженных длинных усов невольно вытягивались в улыбку.

«Хорош, хорош. И Марии с ним будет хорошо», – думал про себя Василий, тайком разглядывая Януша. Собственно говоря, то же самое он думал, когда в Яссы прибыли польские

¹⁶ Фирман – указ султана Османской империи.

¹⁷ Литвины – исторический эндоэтноним уроженцев белорусских земель.

дворяне Мирский и Мержинский, чтобы передать Марии обручальное кольцо, присланное Радзивиллом. «Ей будет хорошо...» Рассматривая дары, привезённые польскими посланниками, князь Лупу понимал, насколько высок уровень претендента на руку и сердце его дочери. Княжна Мария получила целые сундуки утвари, мануфактуры, драгоценных камней, серебряных столовых приборов, зеркал. Самому господарю был подарен золотой меч, замечательное ружьё и настоящие шедевры часового искусства. Дорогие подарки были вручены также княгине Екатерине, младшей дочери Василия княжне Розанде и даже трёхлетнему его сынишке Штефэницэ.

И вот венчание... Василий с сожалением вспомнил, как Екатерина не позволила ему надеть золотой меч, подаренный Янушем.

– Дорогой, ну ты ведь не на войну идёшь. Это бракосочетание твоей дочери. Самый мирный праздник. Похвастать золотым подарком у тебя ещё будет время.

Пока владыку Петра облачали в ризнице в саккос¹⁸, господарь с удовольствием наблюдал за тем, как его дочь Мария, светящаяся от счастья, радостно щебечет на польском языке со своим будущим супругом, а её младшая сестра, пятнадцатилетняя Розанда, трётся возле неё, пытаясь изображать взрослую девушку в присутствии вельможных особ.

После того как все приглашённые оказались внутри собора, с ними что-то произошло. Стихли разговоры и смех, прекратилось хождение по храму. Всё внимание гостей было приковано к виновникам священного действия, которые, подобно первозданным Адаму и Еве, начинали с этой минуты перед лицом Самого Бога, в Его Святой Церкви, свою новую святую жизнь в чистом супружестве.

По окончании Божественной литургии митрополит Пётр троекратно осенил крестом жениха и невесту, и со словами «Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» вручил им зажжённые свечи. Януш принял в свои руки свечу, аккуратно, даже деловито осмотрев, слегка наклонил её от себя, чтобы расплавленный воск, стекающий со свечи, не испачкал его богато расшитый серебром камзол. Мария же была настолько поглощена происходящим, что капающие со свечи восковые слёзы не могли отвлечь её от лица митрополита. Она с благоговением вслушивалась в слова первой молитвы Святой Церкви о женихе и невесте – молитвы о ныне обручающихся и их спасении.

Когда владыка Пётр повелел всем присутствующим преклонить головы свои перед Господом в ожидании благословения, а сам, тихо шевеля губами, принялся тайно читать молитву, Василий увидел мелко дрожащие пальцы склонившей голову Марии, держащей полуметровую свечу. Её огонек был настолько близок к розовой вуали дочери, что князь невольно протянул руку и отодвинул свечу от её лица. Неожиданное прикосновение заставило Марию вздрогнуть, но, увидев рядом отца, она улыбнулась. Василий на секунду забыл о происходящем, о том, что он господарь великого княжества, о сонме именитых гостей. На одно короткое мгновение он снова почувствовал себя просто любящим отцом своей родной дочери, но голос митрополита вернул его к действительности.

– Обручается раба Божия Мария рабу Божьему Янушу, во имя Отца, и Сына, и...

В это время княгиня Екатерина, склонясь перед образом Николая Чудотворца и часто осеняя себя крестом, тихо читала молитву:

«Первым разом, добрым часом не я говорю, выговариваю, святыми словами заговариваю, святые уста повторяют, рабов Божьих Януша и Марии благословляют. Райские ворота открываются, ангелы-хранители спускаются. Никто счастья их не украдёт, никакой порчей не изведёт. Слово моё крепко, дело моё лепко. Ключи в святых руках, замки на небесах. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Ныне и присно и во веки веков. Аминь».

¹⁸ Саккос – одеяние священнослужителя высокого ранга во время богослужения.

Маленький колеблющийся огонёк лампадки, висевшей перед иконой, подсвечивал тусклыми бликами тонкие черты её лица, отчего контрастные тени глазных впадин, кончика носа, тонко очерченных губ делали лицо княгини похожим на измождённый лик кающейся Марии Магдалины.

– Ну, вот... – Василий с теплом посмотрел на ссутулившиеся плечи супруги. – А они говорят мусульманка...

Многие девочки из гостей, присутствовавшие на церемонии, были одеты в белые одеяния, символизирующие непорочность и чистоту любви создающих семью молодожёнов, но Розанда в белом свадебном платье была неподражаема. Находясь почти всё время в двух шагах от своей брачующейся сестры, она хорошо понимала всю ответственность выпавшей ей роли свидетеля. Она не просто ловила, нет! Она впитывала каждый жест, каждое слово, звучащее под сводами храма. Ей даже показалось, что это она протягивает руку митрополиту и что это ей он надевает на палец обручальное кольцо.

Воображение девушки было настолько возбуждено, что когда молодожёны трижды менялись кольцами, Розанда могла поклясться, что видела тонкие золотые нити, тянущиеся от них, нити, которые с каждой новой переменной теснее и теснее опутывали пальцы брачующихся, связывая их воедино. Золотое сияние, исходившее от колец, она воспринимала как Божественное благословение и покровительство, нисходящее с небес.

В сознании юной сестры невесты возникали романтические картины, в которых Мария и Януш играли главные роли. Когда будущие супруги встали на белое полотенце и их головы увенчали обрядовые короны, Розанда поняла, что отныне молодые стали друг для друга царём и царицей.

– Имеешь ли ты, Януш, произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль пояти себе в жену сию Марию, юже zde пред тобою видиши? – впечатлительной девушке показалось, что слова, произнесённые митрополитом, звук от которых поплыл меж многочисленных колонн собора, были произнесены самим Богом, лик которого взирал на происходящее в храме с его высокого купола. – Не обещахся ли еси иной невесте?

– Имам, честный отче. Не обещахся.

Ответ Януша прозвучал в ушах Розанды грозным голосом архангела Михаила, строго глядящего на неё с иконостаса.

– Имеешь ли ты, Мария, произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль пояти себе в мужи...

Ответа Марии Розанда не слышала. В полубморочном состоянии она уже летела под сводами храма, окутанная густыми прядями величественных звуков сначала митрополичьего голоса, потом молитвенных возгласений, затем ангельски зазвучавшего хора.

– Господи, Боже наш! Славою и честию венчай их!

Трижды прозвучавший призыв митрополита пробудил юную деву и вернул её на землю. Украшенные венцами, жених и невеста предстояли лицу Самого Бога, лицу всей Церкви Небесной и земной и ожидали благословения Божия. Настала торжественнейшая, святейшая минута венчания!

– Благослови брак сей и подай сим рабам Твоим жизнь мирную, долгоденствие, любовь друг к другу в союзе мира, семя долгожизненное, неувядаемый венец славы; сподоби их увидеть чада чад своих, ложе их сохрани ненаветным. И даруй им от росы небесной свыше, и от тука земного; исполни дома их пшеницы, вина и елея, и всякой благодости, так чтобы они...

Православное сердце юной девушки воспринимало происходящее с наивной искренностью, она была уверена, что Мария получает своего суженого из рук самой Церкви. Сейчас она страстно желала стоять на месте своей старшей сестры, чтобы Господь выбрал для неё самого красивого, самого хорошего, самого любящего мужа. Она хотела поклясться, что с ним она никогда не разъединит рук, опутанных золотой нитью обручальных колец.

Даже после того, как обряд был окончен и молодожёны, несущие в руках образа Спасителя и Пресвятой Богородицы, вышли из храма, Розанда, под гипнотическим влиянием прозвучавших молитв, продолжала видеть святое сияние вокруг радостно улыбающихся, просветлённых Януша и Марии.

* * *

Чем ближе знакомился Василий Водэ со своим зятем, чем лучше узнавал Радзивилла, тем явственней он понимал его значимость и величие. И дело было совсем не в том, что Януш владел обширными и многочисленными имениями на территории Великого княжества Литовского. Кроме них, ему принадлежали крупные поселения в Новогрудском, Гродненском, Витебском и Полоцком поветах, а также Каменецкое, Борисовское, Мстиславское и другие староства. Всё это несметное количество собственности говорило о том, что дочь Лупу княжна Мария вскоре станет очень влиятельной особой в Речи Посполитой. Это, несомненно, радовало отцовские чувства и самолюбие господаря Молдавии, но более всего его распирали гордыня при упоминании титулов его зятя.

Ещё бы!

Великий подкоморий литовский, генеральный староста жмудский, польный гетман литовский, воевода виленский, великий гетман литовский, князь Священной Римской империи на Биржах и Дубинках... Одно только перечисление этих, бесспорно, заслуженных титулов, звучало в ушах волшебной музыкой, лишней раз убеждая Василия, что и без того прочное положение его как господаря княжества в значительной степени укрепилось благодаря близкому родству с таким крупным государственным и военным деятелем.

Именно военные успехи Януша впечатляли Василия больше всего. Не каждый молодой человек двадцати с лишним лет от роду смог бы стать национальным героем. А Януш, за собственные средства наняв в Голландии тысячу пехотинцев и двести драгун, принял участие в Смоленской войне и, доведя её до победы, получил должность подкомория великого литовского.

Нет, не зря господаря Молдавии называли албанским спекулянтом...

Энергичный, предприимчивый, жестокий и расчётливый, Лупу, стремясь возвыситься любыми средствами, никогда не забывал о собственных интересах. Сколотив состояние торговлей, значительно укрепив его женитьбой на Тудоске – дочери самого богатого и влиятельного боярина Молдавии Кости Бучок, Лупу своим умом, невероятной ловкостью и не всегда высокоморальными поступками сумел молниеносно пройти практически все возможные ступени иерархии вассально зависимого от Оттоманской Порты княжества. Приложив руку к смещению с престола Моисея Мовилэ и купив у турок пост господаря, Лупу воцарился в Молдавии. Даже имя Василий¹⁹ он взял только потому, что оно напоминало о византийских императорах.

Пытаясь дать выжить своей стране в беспокойное время бесконечных польско-казацких войн, изматывая себя бесконечными политическими манёврами между турками, татарами, казаками и поляками, князь Молдавии Василий Лупу, несомненно, был обрадован тем, что его зятем стал такой могущественный магнат и военный деятель, как Януш Радзивилл. Особенно в то время, когда его соседи, правители Валахии Матей Басараб и Трансильвании Дьёрдь Ракоци, вождедея лишить его престола, спали и видели себя на его троне. С появлением могущественного зятя возникла надежда на поддержку с его стороны, и на сердце Лупула становилось спокойнее.

Не зря митрополит Пётр Могила сказал, что считаться с Янушем Василию придётся...

¹⁹ Его родовое имя – Лупул Кочи (Константин).

В разгульной атмосфере свадебного торжества у митрополита Петра нашлось время, чтобы рассказать случай, окончательно убедивший Лупу в том, что уважительное отношение к зятю-литвину не будет иметь альтернатив.

Однажды, когда во время встречи с королём Владиславом VI на Виленском сейме польские сенаторы попытались вмешаться в дела протестантской Литвы, двадцатичетырёхлетний подкоморий литовский Радзивилл бросил в лицо польских шляхтичей и короля знаменитую фразу: «Придёт время, паны-поляки к дверям Виленского замка (в стенах которого в это время проходило заседание Сейма) не попадут: через окна выбрасывать будем!» Этими словами горделивый литвин напомнил наглеющим полякам о недавних событиях в протестантской Праге, где возмущённые чехи выбросили из окна парламента немецких католиков, которые так же, как и поляки, слишком настойчиво навязывали свои порядки чехам-протестантам.

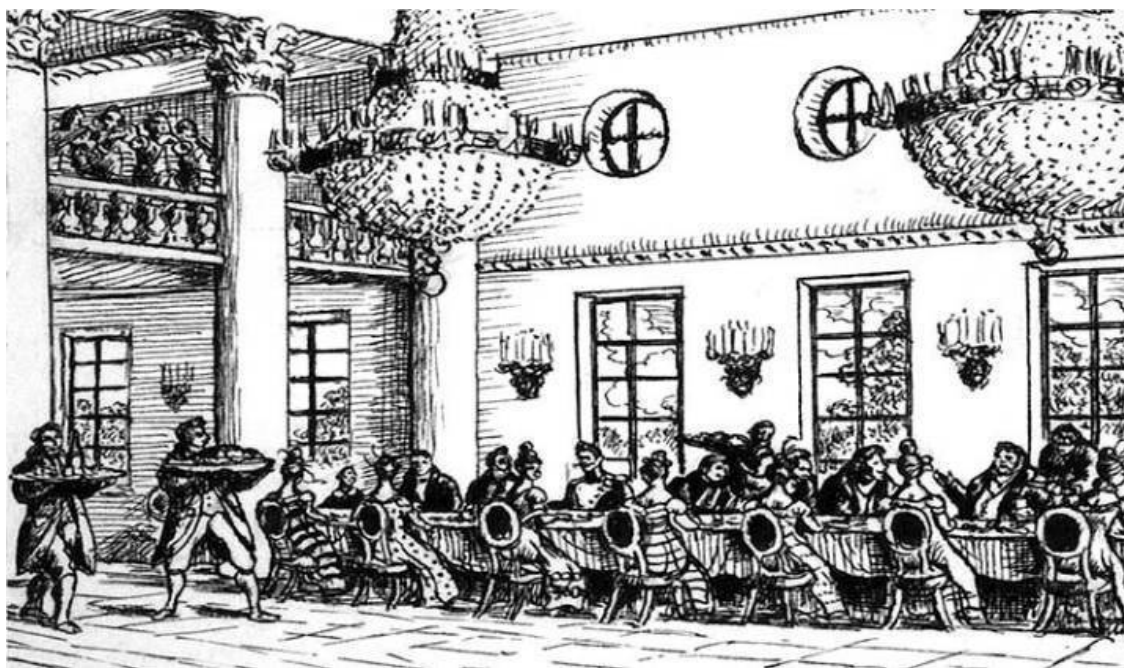
Это было оскорбление. Оскорбление короля! Однако король Владислав предпочёл не заметить дерзость молодого князя, представителя величественного магнатского рода и героя Смоленской войны.

«Да, уж... – подумал Василий. – Если король Владислав считается, то мне сам Бог велел».

* * *

Свадебный пир сотрясал Яссы в течение двенадцати дней. Высокородные гости не переставали удивляться широте и богатству молдавского гостеприимства. Богатые застолья сменялись долгими молебнами, молебны заканчивались шумной охотой на волков, а по возвращении егерей и загонщиков, увешанных кровавой добычей, усталых от стрельбы и погони вельможных гостей ожидали ломящиеся от яств столы, и всё начиналось сначала. Застолья и развлечения бесконечно сменяли друг друга, Василий Лупу не знал, чем ещё порадовать и удивить своих дорогих гостей.

На центральной площади молдавской столицы с утра до глубокой ночи шли скоморошья представления. С потрясающей скоростью возникали грандиозные сооружения – замки и крепости, в одно мгновение превращавшиеся в руины и пепелища. Из них, так же неожиданно для зрителей, выныривали сказочные великаны, которые тут же вступали в бой со львами, слонами и прочими непривычными для Европы животными. В то же время другие комедианты творили какие-то невероятные, невиданные ранее трюки. Приглашённые на торжества гости, у которых от увиденного перехватывало дух, пытались только представить себе, что придумал бы молдавский господарь, если бы его дочь Мария сочеталась бы браком с коронованным монархом. А ведь о перспективе её брака с московским царем Алексеем Михайловичем неутомимо сплетничали при всех европейских дворах в течение трёх последних лет.

Свадебное застолье. Гравюра XVIII века

С удовольствием и гордостью господарь Молдавии показал уставшим от обжорства и потех гостям школу при соборе Трёх святителей, созданную по образцу Киево-Могилянской коллегии, и первую в княжестве типографию, оборудование и бумага для которой были привезены из Москвы, Киева и Львова.

– А ты, брат Василий, настырный. Молодец... – Пётр Могила, которому принадлежала не только инициатива, но и значительная роль в создании школы, не мог не похвалить Лупу. – Дело довел до конца.

– Стыдно было бы не завершить благое дело. Ведь только благодаря вам и вашим хлопотам у нас в этой школе и учителя хорошие, и учебников вдоволь. Спаси Вас Господь.

– Со школой оно, может, и так, но типографию создать, книги печатать – это богоугодно. Хвалю. Не каждый правитель в этом видит толк.

– Ну... типография, – замылся Лупу, – это... митрополит Варлаам вспомоществовал, дай Бог ему...

– Ах, вот оно что! – Пётр посмотрел на князя Василия и ухмыльнулся в бороду. – Как говорят, ласковое телятко двух маток сосёт.

Стоящий в толпе гостей представитель Матей Басараба, гость из Валахии, некий Ион Корча, наклонился к трансильванцу Шандору Кемени и, не обращая внимания на стоящего рядом секретаря Лупу Ежи Кутнарского, прошептал:

– Понял? «Ласковое телятко» ... Это телятко, когда понадобится, последний кусок из глотки вырвет.

– Чего уж там... Методы у него разнообразные, – Кемени презрительно ухмыльнулся. – Албанец...

Утром предотъездные хлопоты охватили дворец господаря Молдавии. Первыми отправлялись восвояси экипажи высоких священнослужителей. Пока слуги и охрана подтягивали подпруги лошадей и последний раз осматривали состояние карет и конской сбруи, гостеприимный хозяин обменивался прощальными речами с митрополитом Петром и посланником патриарха Константинопольского, пока они обнимались и лобызались на дорожку, багажные отсеки отъезжающих рыдванов наполняли подарками и продуктами. И вот, прощальные взмахи рукой

из окошка кареты – и экипажи преосвященников вместе покинули пределы дворца, чтобы, выкатив за городскую черту, разъехаться в разные стороны.

Сразу же за ними ко дворцу подкатили экипажи знатных гостей, утомлённых гостеприимством и мечтающих поскорей попасть к себе домой и отдохнуть от шумного праздника. В ожидании отъезда дамы и господ, прибывшие из Курляндии и Семигалии, Бранденбурга и Дюлафехервара, успев познакомиться за время торжеств, прощались, используя какой-то невообразимый язык, в котором звучали немецкие, литовские, польские, венгерские и молдавские слова. Тем не менее все понимали друг друга или, на худой конец, делали вид, что это именно так. Центром происходящего было прощание молодожёнов с родителями. Бывшая княжна Мария, а ныне княгиня Радзивилл не могла наплакаться на плече у своей приёмной матери Екатерины, изредка переходя в объятия отца Василия и снова возвращаясь к ней. Василий, когда Мария прислонялась к нему, снисходительно улыбался и успокаивающе похлопывал дочь по плечу. Януш сдержанно улыбался, глядя на плачущую супругу, и с достоинством раскланивался с остающимися.

Однако центральной фигурой прощания каким-то непостижимым образом стала младшая сестра молодой супруги Радзивилла – Розанда. Почти две недели непрерывного праздника очаровательное создание порхало среди гостей, привлекая к себе всеобщее внимание и неизменно лаская взоры всех присутствующих. Удовольствие наблюдать за ней увлекало буквально всех гостей. Погрузневшие дамы с нежностью наблюдали за девушкой, с удовольствием вспоминая свою недавнюю юность, а мужчины видели в порхающей красавице изумительный образчик женственности и изящества. Невинность и одухотворенное совершенство юной Розанды вызывало у всех искренний восторг.

Гости со слезами признательности и умиления покидали княжеский дворец, и среди звона разбиваемых на счастье бокалов, возгласов благодарности хозяину, звук прощальных поцелуев, взрывов петард, хлопучек и шутих вряд ли кто-то из них заметил, что произошло какое-то волшебство.

Свершилось то, что должно было когда-то произойти. Старшая дочь господаря Молдавии Мария своим замужеством уступила дорогу идущей за нею претендентке, которая оказалась настолько совершенной, что без труда взойшла на пьедестал, предназначенный для одной из достойнейших представительниц женской половины человечества.

Воспитанная в богатстве и по-настоящему восточной роскоши домна Розанда и до того не была обделена вниманием аристократических кавалеров, но свадебное пиршество с присутствием рафинированной знати, обилие представителей европейской элиты вознесло юную красавицу, сделав её объектом внимания самых высокородных особ. Во время свадебных торжеств старшей сестры в Розанду пылко влюбился официальный представитель польского короля Владислава IV при дворе Лупу, сын брацлавского воеводы, будущего гетмана великого коронного Николая Потоцкого Пётр. Молодой воеводич, выполняя поручение короля, между делом находил время и для того, чтобы искать заветные тропинки к сердцу юной княжны. Однако на охоту за рукой и сердцем домны Розанды вышел не только именитый шляхтич. Несколько позднее дорогу ему перешёл еще более титулованный рыцарь – князь Дмитрий Ежи Вишневецкий, сын коронного хорунжего Януша Вишневецкого и внук заметной в истории Малороссии личности, князя Дмитрия Вишневецкого Байды. Именно ему была готова отдать своё сердце юная красавица.

Но, как говорится, любви все возрасты покорны, поэтому восхождение звезды юной Розанды к зениту первой любви не обошлось без претензий похотливого, хотя и очень богатого старца. Претендовать на её руку задумал почтенный шляхтич, зажиточный владелец многочисленных поместий и усадеб, давно овдовевший польный гетман и черниговский воевода Мартин Калиновский.

Понимая, что объект их вождения ещё очень молод, претенденты на руку княжны коршунами кружили над её родовым гнездом, не выпуская ситуации из виду.

После свадьбы старшей дочери двор господаря Молдавии стали без особых причин посещать и другие высокородные гости, всё чаще и чаще князя с женой и дочерью приглашали на пышные балы именитые претенденты.

– Доченька, в каждом, кто приезжает ко двору, я боюсь увидеть сватов, – пошучивал Василий, понимая, что младшая дочь в стенах родного дома не засидится. – Ты меня разоришь, две свадьбы подряд княжество не выдержит.

– Ваша светлость, неужели в гости ко мне приезжают нищие? – понимая, что пришло её время, отшучивалась Розанда. – Тем более что я никуда не спешу.

Но не с этой стороны поджидала опасность господаря Молдавии.

Свадьба Марии и Януша Радзивилла стала громким событием, обсуждаемым во всех европейских дворах. Большинство коронованных особ склонялись к мнению, что этот брак был продиктован мотивами политической целесообразности; уж слишком сильно укрепил свою власть господарь Молдавии, а теперь ещё и породнился с влиятельным магнатом Великого княжества Литовского, что открывало возможности для создания родственных связей с не менее влиятельными магнатами польской и других корон.

Такое развитие событий не могло не беспокоить сюзерена. Высокая Порта должна была принять меры, чтобы пытающийся выскользнуть из-под влияния Оттоманской империи вассал не вздумал вдруг отдать и младшую дочь за какого-нибудь европейского аристократа. Надо было срочно остудить властные амбиции её отца.

Логическим завершением свадьбы Радзивилла и Марии Лупу стало прибытие гонца, передавшего господарю Молдавии Василию Лупу фирман от турецкого султана Ибрагима.

«Я, султан и владыка Блистательной Порты, брат Солнца и Луны, наместник Аллаха на Земле, властелин царств – Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Большого и Малого Египта, царь над царями, властелин над властелинами, несравненный рыцарь, никем непобедимый воин, владетель древа жизни, неотступный хранитель гроба Иисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утешитель мусульман, устрашитель и великий защитник христиан, повелеваю князю, господарю Молдавии, добровольно и без всякого сопротивления отправить в Константинополь, столицу Оттоманской империи дочь свою Розанду, где в серале дворца Топкапы ей приготовлено место.

Султан Ибрагим I».

Глава 3. Заложница

Полчаса назад его опоясали мечом в мечети Эйюба, и он стал законным султаном Османской империи. Неудержимая гордость от получения этого головокружительного титула переполняла не только законного наследника, воцарившегося на троне огромного государства, но и его великолепного белого коня. Создавалось впечатление, что изумительный арабский скакун, сознавая торжественность момента, специально демонстрировал навыки выездки, грациозно выгнув шею и горделиво округлив грудь, с неторопливым изяществом, ритмично переставляя тонкие, стройные ноги, уносил нового правителя Блистательной Порты во дворец Топкапы.

Бесконечная вереница сопровождающих придворных, сверкая ослепительными праздничными нарядами, золотой рекой протекала между толпами горожан, громко приветствующих нового султана. Радостные выкрики и возгласы одобрения были щедро сдобрены громким смехом, а иногда и откровенным хохотом. И то и другое было адресовано виновнику всенародного празднества.

Султан Ибрагим I сидел в седле удивительно нелепо. Весь он каким-то образом съехал набок, а своею осанкой, присущей ярмарочным шутам и городским сумасшедшим, напоминал бесформенный тюк хлопка, взгромождённый на осла. Первый проезд правителя по столице империи продемонстрировал, кроме его физического несовершенства, отсутствие не только робкой надежды на будущее могущество и величие правителя огромной империи, но и самой скромной практики верховой езды. Центральная фигура грандиозного события в жизни великой династии на фоне сопровождающей его величественной процессии выглядела несуразно и вызывала у приветствующих султана горожан откровенный смех.

А откуда, собственно говоря, у бедного Ибрагима, сына султана Ахмета I могла появиться практика верховой езды, если всю свою жизнь (а это четверть века!) он прожил в заключении?

В династии Османов стать шех-заде²⁰ совершенно не означало, что жизнь удалась... Скорее наоборот... В этой династии любой из султанов мог иметь от разных наложниц до двадцати (и более!) детей. Тут если уж родиться сыном султана, то это надо было сделать обязательно первым. Только в этом случае можно было надеяться, что со временем ты, с большой долей вероятности, сможешь оседлать вожделенный престол, если, конечно, удастся выжить в дворцовых вихрях, которые то и дело закручивали мамыши твоих сводных (гаремных) братьев, пытаясь привести к власти своих сиятельных чад.

Получив титул султана, расслабляться было крайне опасно. Дворцовые перевороты были делом довольно частым. Потеряв бдительность и слегка вздремнув, можно было уже никогда более не проснуться. Поэтому взобравшись на трон, каждый новый султан первым делом стремился очистить политическую арену страны от предполагаемых конкурентов, то есть от возможных наследников престола. Решалось это простым их удушением и отправкой на корм рыбам, для чего из дворца Топкапы вел подземный тоннель, заканчивающийся на дне Босфора.

В принципе Ибрагиму повезло, хотя и везением это назвать сложно. После смерти отца, султана Ахмета I, Ибрагим вместе с матерью, братьями и сестрами долгие годы был в ссылке в Старом дворце. Затем жил взаперти в гареме Топкапы, что тоже можно считать везением, так как старший братец султан Мурад IV, по прозвищу «кровавый», успешно удавив пятерых своих братьев, оставил Ибрагима в живых только потому, что считал его полоумным и не способным составить достойной конкуренции в борьбе за трон. Однако когда Ибрагиму стукнуло двадцать, Мурад посчитал правильным перевести безмозглого братца из гарема в Кафес.

Трудно найти в мировой практике придворной жизни что-нибудь подобное этому блистательно-мрачному месту.

²⁰ Шех-заде (*тур.*) – сын султана.

Кафес²¹ представлял собою небольшой внутренний двор султанского гарема во дворце Топкапы. В этом дворе располагались двенадцать павильонов, состоящих из нескольких комнат, куда селили шех-заде. Собственно, эти апартаменты и назывались Кафесом...

Ровно четыре бесконечно долгих года молодой шех-заде Ибрагим, которого по европейским меркам можно было считать «принцем крови», провёл в изоляции от внешнего мира под постоянным наблюдением стражи. Он был обеспечен всем необходимым и даже более того. Может быть, даже птичьим молоком. В его круглосуточном распоряжении были целые отряды глухих, безъязыких слуг и наложниц (из тех, которые не могут иметь детей), к его услугам были любые развлечения. Всю эту беззаботную жизнь омрачало отсутствие права покидать «золотую клетку».

Но страшнее было другое.

Уникальная мебель, роскошные изразцы и парча, удивительные картины и росписи разных эпох не могли развеять атмосферы чудовищного страха, царящей в «золотой клетке». Зная, как поступил его сиятельный братец Мурад IV с остальными братьями, Ибрагим каждую минуту, каждую секунду вслушивался в шаги за дверью своих покоев в ожидании прихода и своей смерти. Каждую ночь измученный юноша видел один и тот же сон, как в его спальню врываются янычары и убивают его, с той лишь разницей, что в одних кошмарных видениях они просто разрубали его на части, а в других медленно и деловито душили подушкой. В первое время, когда в холодном поту он с криком просыпался, в спальню вбегали слуги. Позже ночные вопли шех-заде вошли в привычку: в очередной раз услышав крики, слуги приоткрывали дверь и, увидев трясущегося Ибрагима, так же тихо её прикрывали.

Как ни странно, но постепенно теряющему рассудок Ибрагиму удалось выжить. Спасла его мать Кёсем-султан. К тому времени султан Мурад IV тихо загибался от очередного запоя (и это в мусульманской стране!). Исцелить кровожадного султана решили модным в те времена кровопусканием, что, в конце концов, избавило государство от правителя, любившего иногда прямо из окна пострелять из лука в своих подданных, проходящих по улице. Понимая, что вскоре династии Османов понадобится новый правитель, Кёсем-султан, используя всё свое влияние, которое ей обеспечивал титул «Валиде-султан»²², убедила великого визиря Кара Мустафу-пашу и других членов Дивана в том, что Ибрагим является законным наследником.

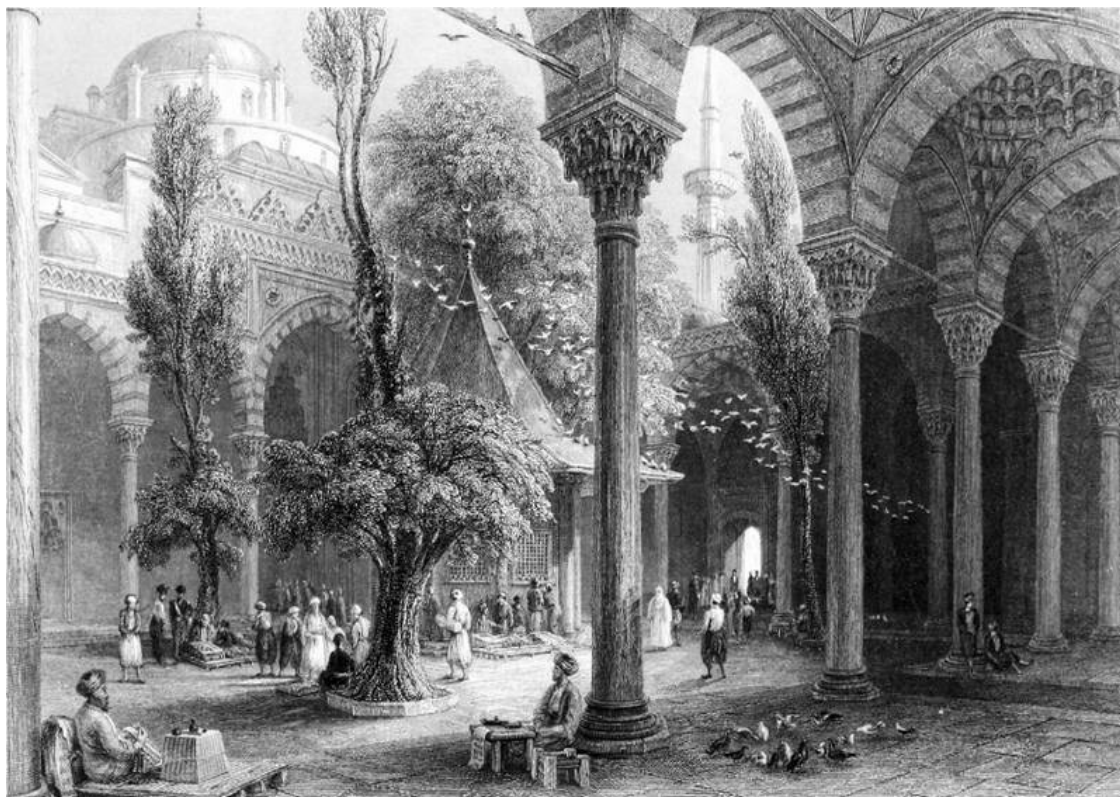
Даже пребывая на смертном одре, кровавый Мурад не желал передать власть из своих слабеющих рук в руки своего безумного брата, однако великий визирь сумел успокоить его, солгав, что Ибрагима по его указанию уже задушили.

Кончина султана освободила путь к престолу, и Ибрагима было решено перевести из Кафеса в Топкапы, но несчастный наследник престола настолько был парализован страхом насильственной смерти, что визири, пришедшие возвестить о смерти Мурада и его воцарении, долгое время не могла попасть в покои забаррикадировавшего дверь и спрятавшегося в покоях нового султана. Ситуацию снова смогла разрешить Кёсем-султан, приказав принести труп недавно преставившегося султана Мурада и положить у порога покоев трясущегося наследника. Только после этого обрадованный Ибрагим с воплями «Мясник умер!», «Мясник умер!» покинул свою «золотую клетку». Здесь уместней было бы кричать привычный всем такбир «Аллаху акбар!», но окончательно обезумевшему от счастья Ибрагиму было не до духовных исламских тонкостей, и его глотка изрыгала первые всплывшие в сознании слова, способные унести из его измученной души весь накопившийся за долгие годы животный страх, — «МЯСНИК УМЕР!»

²¹ Кафес (*тур.*) – клетка.

²² Валиде-султан – мать законного наследника престола.

Аллах был действительно велик, ибо только ему было под силу в одно мгновение переместить обречённого из пусть золотой, но клетки на сиятельный трон и сделать из многолетнего заключённого Великого султана.

Топкапы. Гравюра XV века

Новый правитель Османский империи по нраву был кротким и покладистым. Широкий лоб, быстрые живые глаза, румяный цвет лица, черты которого были в правильной пропорции, однако в общем их выражении не было ничего, что бы обещало великие умственные способности.

Восхождение на трон Ибрагима не принесло государству потрясений и перемен. Все назначенные Мурадом IV чиновники остались на своих местах, поэтому основные направления деятельности не изменились, но со временем Ибрагим перестал вникать в государственные дела, а управляли государством великий визирь Каменкеш Кара Мустафа-паша и Валиде Кёсем-султан.

Правда, очень быстро стало понятно, что династия была под угрозой исчезновения, так как из-за практики братоубийства после Ибрагима наследовать престол было некому. При этом выяснилось, что новоявленный султан не представляет себе, каким образом и вследствие чего рождаются дети. Женщин Ибрагим боялся и избегал, поскольку его взросление прошло в заточении.

Для того чтобы «вылечить» султана, всерьёз обеспокоенная мать – Кёсем-султан – вынуждена была пригласить некоего Джинджи-ходжу – известного целителя-авантюриста, этакого «османского Распутина». Знахарь снабжал Ибрагима снадобьями, а Кёсем-султан – девушками. Совместные труды принесли плоды. Вскоре Ибрагим занимался только производством наследников.

* * *

Мягко качнулась тяжёлая штора, и в комнату тихо вошла Кёсем. Великий визирь Ахмед-паша, сидящий за столом, был настолько погружён в чтение бумаг, что не заметил вошедшую, пока она не подошла вплотную к столу и не положила руку на его плечо.

– Оха!²³ – Ахмед испуганно отпрянул, но узнав Валиде-султан, тихо ругнулся, – Ланет олсун²⁴. Послушай, ты всегда появляешься, как джин из бутылки: тихо и внезапно.

– У меня должность такая, – улыбнулась Кёсем. – Я должна быть везде и знать всё. А ты чем тут занимаешься?

Ахмед-паша вздохнул и горестно покачал головой.

– Гениальными проектами... Он меня в гроб сведёт!

– Кого ты имеешь в виду? Ибрагима?

– Кого же ещё?! Конечно же, твоего сыночка, да продлит Аллах его годы.

Кёсем долгим взглядом посмотрела на великого визиря и отошла к окну.

– Не гневи Аллаха. Тоже мне: «Да продлит его годы...» Твоя бы воля, то Ибрагима уже сегодня с почестями похоронили.

Ахмед-паша промолчал, но по тому, как он насупился и принялся двигать по столу бумаги, было ясно, что против такой перспективы он бы не возражал. Валиде-султан подошла сзади к великому визирю и запустила пальцы ему в волосы.

– Ну, ладно, ладно. Не дуйся. Из Ибрагима действительно султан никакой, но ведь он не мешает нам управлять государством. Кстати, о каких проектах ты говорил?

Великий визирь порывлся в ворохе бумаг, нашёл два нужных листа и подвинул их Валиде-султан. Кёсем долго рассматривала один из них.

– Мне кажется, я знаю, что это такое. Если я не ошибаюсь, это новый павильон для обрезаний? Его уже закончили?

– Иншаллах²⁵... Через неделю завершится отделка, и ты можешь принять участие в мебелировании.

– Вот и хорошо. А это что?.. – Кёсем повертела в руках второй лист.

– Я же говорю – гениальный проект! – великий визирь ухмыльнулся и широко развёл руками. Вдруг его прорвало. – Всё боялись, что он импотент! Паниковали, что не будет наследника, что династия рухнет. И что?! За семь лет – восемнадцать детей! Одних мальчиков девять! Нет, павильон для обрезаний простаивать не будет!

– Ахмед, я спрашиваю, что это?

– Это? Наш неутомимый султан повелел отделать зеркалами помещения гарема, где он устраивает свои оргии.

Кёсем опустила на стол эскиз, который держала в руках, и снова подошла к окну. Она любила смотреть из окон дворца на спокойные воды вечного Босфора. Эта широкая водная улица всегда привлекала своей неторопливой, но удивительно интересной жизнью. Где-то справа, медленно-медленно, словно упавший на воду одинокий лепесток хризантемы, уходил в Мраморное море маленький белый парусник. Посреди пролива, все сильнее забирая влево, вероятно пытаясь спрятаться в бухте Золотой Рог, напрягая свои ветрила, скользила рыбацкая шхуна. Её наполненные ветром паруса напоминали нескромно обтягивающую девичье тело блузку, отчего шхуну хотелось назвать грудастой. У причала, под самым дворцом, плечистые амбалы выгружали из утлой фелюги какие-то тюки. Рядом загорелый рыбак в феске и шаро-

²³ Оха! (тур.) – возглас, выражающий крайнее удивление, шок.

²⁴ Ланет олсун (тур.) – чёрт побери.

²⁵ Иншаллах (тур.) – с Божьей помощью.

варах пытался разобраться со спутанной рыболовецкой сетью. Наблюдать за неторопливыми действиями незнакомых людей, несуетливой жизнью огромного города, за неизменным и в то же время постоянно меняющимся морем было бесконечно интересно и благостно. Это приносило покой и умиротворение.

– Зеркала, говоришь... Да... Это начинает надоедать. Природная доброта и мягкотелость Ибрагима довели до того, что этот целитель Джинджи-ходжа начинает потихоньку управлять им, а его фаворитки просто садятся мне на голову.

– Нет, дорогая, ты на себя наговариваешь. – Ахмед подошёл к стоящей у окна Валиде-султан и обнял её за плечи. – Я не представляю, чтобы кто-нибудь попытался сесть тебе на голову.

– Ошибаешься... – Кёсем улыбнулась странной улыбкой, её глаза сверкнули холодным блеском. – Не стоило ей перебегать мне дорогу. Глупышка...

– Кто? Одна из его хасеки²⁶?

– Какая там хасеки! Обычная наложница, только слишком уж нравились Ибрагиму её 180 килограммов.

– «Нравились»? Что, в гареме её уже нет?

– Её уже нигде нет...

– Я не сомневался.

Ахмед попытался поцеловать Кёсем. Валиде-султан аккуратно отстранилась.

– Оставь... Не до того сейчас.

...Союз двух самых влиятельных людей в государстве был не случайным.

Долгие годы жизни потратила 15-летняя гречанка по имени Анастасия, чтобы пройти сложный и безрадостный путь от невольницы гарема до самой влиятельной женщины государства. Когда, будучи рядовой наложницей, пустив в ход всю свою красоту и обаяние, умноженные на природную хитрость и предприимчивость, она получила свой первый титул «Хасеки», к ней пришло понимание, что достичь максимально высокого положения во дворце Топкапы – в её силах. С этого момента её уже никто не мог остановить. Султан Ахмет I в ней души не чаял, называя её Махлейкер²⁷. А родив ему семерых сыновей и пять дочерей, она стала для правителя самым доверенным лицом и советником. Постепенно погружаясь в решение политических проблем, Кёсем поняла, что огромный опыт интриг, полученный ею в гареме, прекрасно можно использовать в управлении государством, и неожиданно стала ловким дипломатом, помогая мужу султану Ахмету справляться с не всегда лояльными государственными мужами, заседающими в Диване.

Смерть Ахмета I и воцарение сына Мурада IV, при котором она, получив долгожданный титул Валиде-султан, стала регентом, заставили её задуматься о том, что ей нужна поддержка, так как чиновники, заседающие в Диване, то и дело пытались перехватить у неё бразды правления. Да и повзрослевший сын султан, получивший в народе прозвание «кровавый», всё больше её игнорировал.

Помогла закономерная кончина спившегося Мурада IV. Восхождение на престол ненормального Ибрагима вторично подарило Кёсем титул Валиде-султан и основательно укрепило её властные позиции. Много усилий потратила она, чтобы убедить Ибрагима казнить великого визиря Кара Мустафу-пашу. Следующий великий визирь, Султанзаде Мехмед-паша, не пожелавший сотрудничать с нею, так же неожиданно расстался со своей должностью, в результате чего важнейший государственный пост великого визиря занял Ахмед-паша, оказавшийся достойным соратником могущественной женщины. Без её помощи Ахмед-паша сумел довольно быстро устранить с дороги важного сановника, хранителя султанской печати, так

²⁶ Хасеки (*тур.*) – жена, родившая нескольких наследников.

²⁷ Махлейкер (*тур.*) – лунолика.

называемого нишаджи, прибрав к рукам и этот важный трофей. Борьба Валиде-султан по имени Кёсем за укрепление собственной власти увенчалась победой.

Кёсем и Ахмед-паша составили на удивление крепкий союз. Основой его, конечно же, было не только стремление к полноте власти и этническое родство (оба были греками по происхождению), но и тот факт, что довольно пожилая Кёсем хотя бы в конце жизни смогла, наконец, насладиться пусть не полноценным, но всё-таки свободным общением с желанным, относительно молодым мужчиной...

Беззвучной тенью в комнату проскользнул бостанжи-бей²⁸.

– Они прибыли...

– Пусть войдут, – Ахмед-паша повернулся к Кёсем. – Извини я не предупредил...

– Мне выйти? – Кёсем направилась к выходу.

– Нет, нет! Наоборот. Мне бы хотелось, чтобы ты поприсутствовала.

Великий визирь жестом пригласил Валиде-султан присесть на софу, но она отошла к дальнему окну и принялась всматриваться в простирающееся за окном Мраморное море.

Тихо открылась золочёная дверь в кабинет, и вошедший дильсиз²⁹, пропустив перед собой двух женщин, застыл в ожидании распоряжений. Ахмед-паша жестом отпустил его. Задёрнув тяжёлую портьеру, слуга плотно прикрыл дверь и исчез.

Тишина, воцарившаяся в кабинете, оказалась настолько длительной, что Валиде-султан пришлось повернуться лицом к присутствующим, чтобы выяснить причину долгого молчания.

Великий визирь неподвижно сидел за столом, внимательно рассматривая вошедших.

В нескольких шагах перед ним стояли две женщины.

Ближе к двери, сцепив перед собой кисти рук, склонив голову и смиренно опустив глаза долу, стояла пожилая женщина лет пятидесяти. На полшага ближе к столу визиря, выпрямив спину, в напряжённой позе, не склоняя головы, но не поднимая глаз, стояла совсем юная девушка.

В одеждах вошедших, во всём их внешнем облике просматривались балканские черты. Девушка была в тонкой вышитой рубашке с пышными рукавами, поверх которой была надета курточка красного сукна с длинным, разрезанным по внутреннему шву рукавом, что давало свободу жестам её тонких рук. Её длинная широкая юбка была щедро расшита золотым орнаментом. Головку девушки венчала небольшая плоская шапочка с красным верхом, а воротник рубашки был застёгнут золотой брошью, в которой блистал относительно крупный бриллиант.

Вся одежда её, все тона и расцветки были гармонично подобраны, что подчёркивало достоинства её стройной фигуры и делало честь её вкусу. Тонкие черты лица, розового мрамора кожа, бесконечно длинные, опущенные ресницы, яркие, пухлые, тонко очерченные губы – всё это создавало образ чистоты и невинности.

Словно замороженный, великий визирь не мог оторвать взгляда от удивительных черт юной визитёрши, обезоружившей его внезапностью своего появления.

Во всём облике юной феи читалось то, что ищут в женщине мужчины всего мира, – мягкость и женственность. Именно это увидел в невинном, представшем перед ним создании много повидавший на своем веку Ахмед-паша, человек, проживший большую часть жизни рядом с гаремом, который в последние годы благодаря усилиям султана Ибрагима превратился в рассадник похоти и разврата.

Под влиянием волшебства, источаемого девушкой, очарованный великий визирь вдруг вспомнил самый женственный и любимый цветок Востока и невольно прошептал:

– Лотос...

²⁸ Бостанжи-бей (*тур.*) – начальник стражи.

²⁹ Дильсиз (*тур.*) – безмолвный слуга.

Услышав его шёпот, подошедшая Валиде-султан, окинув девушку цепким, оценивающим взглядом профессионала, медленно протянула:

– Да, уж... Ло-о-тос.

Очнувшийся от гипнотического действия девичьего обаяния и услышав угрожающие нотки в голосе Кёсем, Ахмед-паша смущённо пролепетал:

– Да? Ты тоже так считаешь? – и, обращаясь уже к гостье, спросил: – Как тебя зовут?

Услышав слова, обращённые к ней, девушка подняла глаза и взглянула в лицо визиря, заставив его в очередной раз задохнуться.

– Её зовут Розанда, – ответила пожилая женщина и, увидев удивление в глазах Ахмеда-паши, пояснила: – Она не знает вашего языка.

– А ты кто такая? Зачем приехала? Как тебя зовут? – за строгостью вопросов визирь старался скрыть лёгкую растерянность от красоты девушки.

– Меня зовут Ягмур. Меня послал князь Василий Лупу, чтобы я сопровождала Розанду. Обучала её турецкому языку и была толмачом.

– Ягмур... Турчанка?

– Нет... наполовину, – переводчица ещё ниже наклонила голову. – У меня мать болгарка...

Пока Ахмед-паша пытался познакомиться с прибывшими, Кёсем пристально рассматривала Розанду. Ей, пожизненно прописанной в гареме, не надо было объяснять, какие чувства охватили великого визиря при виде юной красавицы, что для женщины, в чьём сердце он в настоящее время занимал определённое место, было крайне неприятно. Не прошло и трёх минут, как могущественная Валиде-султан уже представляла, как в Босфоре тонет мешок с упакованной в него балканской красавицей.

– Так что же твоя воспитанница настолько бездарна, что не могла освоить нескольких фраз, чтобы назвать себя?

– Что вы, что вы! Она очень способная барышня. – Ягмур торопливо стала перечислять достоинства Розанды, которая молча смотрела в лицо визирю. – Для своих лет она очень образованная.

– Своих лет, – ухмыльнулся Ахмед – паша. – И сколько же ей?

– Декаекси хрония... – Розанда впервые открыла свои уста.

– Оха!! Шестнадцать! – трудно было сказать, чем сильнее был потрясён Ахмед-паша – возрастом девушки или самим ответом. – Ты говоришь по-гречески?

– Да, да! – Ягмур принялась энергично кивать головой. – Княжна помимо родного языка знает греческий, латынь и церковнославянский, и кроме того много наук превзошла...

Ахмед-паша, всё ещё находясь под впечатлением, вдруг подумал о проницательности девушки. Ведь она могла промолчать в надежде на переводчика или заговорить на любом из упомянутых Ягмур языков, но она выбрала греческий, как будто знала, что великий визирь – грек по происхождению и в течение многих лет был камакамом³⁰ в Афинах.

Воодушевлённый визирь заговорил с девушкой на греческом, который, как оказалось, она знала вполне сносно.

Предполагая, что перед нею стоит будущая наложница, Валиде-султан вспомнила, как в пятнадцать лет она оказалась в гареме султана, какой путь пришлось ей пройти, и вдруг ей стало жаль эту хрупкую, чистую девушку. Что её привело сюда? Как сложится её судьба в этом не очень весёлом месте?

Неожиданно Кёсем почувствовала, что она что-то пропустила. Да, она не обратила внимания на что-то важное. Что же это было? В то время пока она наблюдала за тем, как Ахмед-паша поедал глазами собеседницу, что-то прозвучало. Неожиданно бриллиант, сверкнувший

³⁰ Камакам (*тур.*) – представитель султана.

на шее юной гостью, напомнил Валиде-султан, что сопровождавшая Розанду Ягмур назвала её княжной!

Бесцеремонно прервав Ахмеда-пашу, увлечённо беседующего с девушкой, Кёсем строго спросила:

– Кто она?

– Дочь правителя Молдавского княжества Василия Лупу. Младшая дочь.

Кёсем внимательно посмотрела на молдавскую княжну. Розанда спокойно смотрела в глаза властной турчанки. «Или смелая, или глупая, она не понимает, куда попала и с кем разговаривает», – подумала Кёсем, а вслух спросила:

– Как она здесь оказалась?

– Я ещё месяц назад отправил в Яссы фирман о том, чтобы князь Лупу прислал заложника. Вот он и прислал...

Кёсем всё больше проникалась симпатией к девушке, как оказалось, заложнице.

– Почему он отправил младшую дочь?

– У него, кроме этой девочки, никого более нет. Был сын, но он умер. Старшую свою дочь Лупу выдал замуж за литовского князя Радзивилла, что, собственно говоря, и является основанием для заложничества. Этот брак не что иное, как его очевидная попытка сблизить Молдавское княжество с Речью Посполитой, в частности с могущественными литовскими династиями. Можем ли мы не реагировать, когда наш вассал постепенно выходит из-под нашего влияния? Последствия могут быть крайне неожиданными и неприятными. Заложник в подобной ситуации – самое верное средство.

Кёсем подошла к Розанде, взяла в руку шитый золотом рукав и, рассматривая затейливый орнамент, тихо спросила:

– Ты не боишься?

Ягмур перевела, и в ответ прозвучало:

– Заложница не наложница. Я так понимаю.

Пережив за свою долгую жизнь несколько дворцовых переворотов, будучи организатором сотен интриг, участвуя в мелких и больших заговорах, Валиде-султан никогда бы не подумала, что в её давно очерстевшем сердце вдруг шевельнётся чувство материнской нежности к совершенно незнакомой, чужой по религии, культуре и языку девушке, ничем, по сути, не отличающейся от нескольких сотен бездельниц, прожигающих свои годы в гареме в надежде, что через год или несколько лет на них снизойдёт божья милость и их осчастливит своим вниманием султан.

– Ты необыкновенно смелая девушка.

Ответ, прозвучавший через услужливо трясущуюся Ягмур, убедил Кёсем, что перед ней действительно незаурядная девушка:

– У нас «необыкновенными» считают только трусов, – спокойно ответила Розанда. – Все остальные честные и нормальные, а нормальному и честному бояться нечего.

«Боже, как ты наивна и чиста», – подумала Валиде-султан и добавила:

– Аферин... Кьямам³¹.

* * *

Это был странный период в жизни Османской империи: время влияния случайных людей, фавориток ненормального, объятого похотью султана. Кёсем с досадой следила за тем, как наглые безродные девицы верховодят уже не только в гареме, но и при дворе.

³¹ Молодец... Я не обижу тебя.

Согласно специфическому вкусу полоумного султана, которого безумно возбуждали тучные женщины, всех невольниц, обладающих выдающимися габаритами, было приказано привозить в гарем, где им полагалось вести малоподвижный образ жизни и съесть большое количество сладостей. В результате гарем Топкапы был переполнен толстыми, бесформенными наложницами, вес которых варьировался от 115 до 220 килограммов.

Любимой наложницей и сводней Ибрагима была внушительная дама весом около 230 килограммов по имени Шекер Пара, которую он ласково называл «Сахарный кубик». Этот «кубик» то и дело оказывался замешан в различного рода интригах гарема, чем постоянно раздражал Валиде-султан, оставаясь недосягаемым для неё.

Появление во дворце молдавской княжны серьёзно озадачило Кёсем. Никто не мог сказать, как долго будет оставаться в заложниках юная Розанда, но оставлять девушку без призора Валиде, решившая стать её покровительницей, не хотела.

– Какое время ты собираешься держать её в заложниках? – стремясь оградить от «преlestей» дворцовой жизни юную княжну, Кёсем пыталась выяснить хоть что-то о её будущем пребывании в Топкапы.

– Не знаю, всё решает Диван... – Ахмед-паша безразлично пожал плечами.

– Диван... – Валиде-султан сумела сдержать раздражение. – С каких это пор Государственный совет решает судьбу какой-то девицы?

– Смею напомнить, – понимая, что сила закона на его стороне, Ахмед-паша ухмыльнулся, – что молдавская княжна – это заложница, и условия пребывания её во дворце очень сильно отличаются от режима содержания наложниц гарема.

– Не стоит напоминать мне то, что я прекрасно знаю. Я позабочусь о её пребывании здесь. – Валиде-султан примирительно улыбнулась. – Только я тебя прошу, пожалуйста, не показывай её Ибрагиму.

– Ты думаешь, он позарится на её косточки? – Ахмед-паша захохотал.

– Так уж и косточки? Я видела, как ты тарачился на её прелести. – Кёсем покачала головой. – Ох, Ахмед, берегись...

– Ты меня ревнуешь. Я счастлив.

...Розанда была переведена во дворец. Охрана, сопровождавшая её из Ясс, была отпущена домой, с нею осталась только преданная Ягмур. В их распоряжении оказались две просторные, хорошо обставленные комнаты, а два евнуха-абиссинца, по очереди дежурившие у покоев, по первому требованию возникая, словно джин из бутылки, мгновенно выполняли любую просьбу. Безмолвный чашмигир³²

³² Чашмигир (*тур.*) – подносящий яства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.